

09

P A70

P121466

книга
в сохранности

72

121466.

ЛИШЕННЫЙ ЗРѢНІЯ
УРАНИЙ,
НЕЩАСТНЫЙ
ГОСУДАРЬ,
СВЯЩЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

сочинилъ

Троицкія Семинаріи Ректоръ
и Богословіи Учитель
ІЕРОМОНАХЪ АПОЛЛОСЪ.

ПЕЧАТАНА

въ Типографіи Императорскаго
Московскаго Университета
1779. года.

W

09 + A 76 + русск.
A 76

В. И. А. В.

ИСТОРИЯ

ТОГДАШНЕГО

ТОГДАШНЕГО

ИСТОРИЯ
ТОГДАШНЕГО

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ
ТОГДАШНЕГО

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ
ТОГДАШНЕГО

БОГУ,
ЦЕРКВИ,
ОТЕЧЕСТВУ,

со

БЛАГОГОВѢНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЮ.

Josephus Kirdan

Отецъ младаго Уранія былъ Царь, Обладатель вселенныя, славою своею довольно извѣстный свѣту, котораго изображеніе или портретъ сколько ни обыкновенно народы при себѣ имѣли, но всегда различно его начертавали.

Египтяне дѣлали иногда просто великой округъ, или писали кругловидно змію, пожирающую свой хвостъ. Симъ они думали изобразити великихъ дѣлъ славу, превышающую Меркурія, Ураніева отца, которая на вѣки пребудетъ у смертныхъ въ незабвенной памяти. Греки поставляли двучинную статую, изображенную на чепвероугольномъ камнѣ, снизу тонко начатую, къ верьху пространную, не придавая рукъ ни ногъ, можетъ быть поіюму, что хотѣли изобразить прозорливость сего великаго Государя, и какъ неукоснительное, такъ и благоуспѣшное произведеніе дѣлъ къ намѣреваемому концу.

Римляне изображали его торжественно сидящимъ на позлащенномъ престола, одѣтаго въ порфиру и въ коронѣ для означенія его великолѣпнѣя, десницею мещущаго громъ на гиганшовъ, или на всѣхъ оскорбляющихъ его священное имя; а въ другой рукѣ скипетръ означалъ его могущество. Цицеронъ говоритъ, что то былъ или Царь Аркадскій, или сынъ Ефира, или Крипской Царь, современникъ Авраама, но все не правда! Древнѣе наши предки соблюдали славу и память его дѣла огнемъ и пламенемъ пожирающимъ вознѣздженный хвраспѣмъ, съ возложеннымъ на верьху мечемъ, костремъ. И сколь различное было сего Обладателя у народовъ изображеніе, столь же различныя были его и имена. Пиеагоръ называлъ его Монадомъ (Единицею), Евклидъ правителемъ, Парменидъ неподвижнымъ. Элій Никифоріемъ т. е. побѣдоносцемъ, Фестъ опишулемъ т. е. помощникомъ, Сирабонъ спаторомъ т. е. успановителемъ, Еврей Ельономъ, Персы Мисрамомъ и проч.

И хотя различно объ немъ думали, говорили, рассуждали, различно его изображали; но всѣ въ томъ согласны были, что онъ великій и преславный Государь, сильный, прозрительный, правдивъ, милосердъ, благотворительный и весьма древній; сія-то кажется его древность, по которой молодые люди могли забывать его первыя дѣла, но не

не могли изгладить изъ памяти понятія, была причиною разныхъ о немъ мнѣній.

Ураній былъ его Первенецъ, сынъ, которому непремѣнно слѣдовало быть опцу своему наслѣдникомъ, ежелибы не постигло несчастіе.

Отецъ не просто даровалъ ему жизнь; но снабдилъ его всѣми лучшими принадлежностями къ благополучному препровожденію оныхъ. И какъ обыкновенно родители къ тѣмъ дѣтямъ большую имѣютъ склонность, которые похожи бываютъ на нихъ лицомъ или нравами: то и Ураніевъ отецъ старался сына сдѣлать подобнымъ себѣ. Сіе паче всего украшало его, и подавало надежду думать, что вступитъ онъ въ отеческіе слѣды, и будетъ искусный и преславный въ свѣтѣ Государь. Разумъ, которой можно почесть первымъ въ чело-вѣкѣ совершенствомъ, столь блистательной въ немъ былъ, что самыя Божественныя вещи, и превышающія смертныхъ умъ, понималъ онъ весьма ясно. Чтожъ касается до натуральнаго вещей познанія, то почитался онъ весьма знающимъ и искуснымъ въ сей наукѣ. Самъ отецъ училъ его Философіи, Астрологіи, Исторіи натуральной проч. Свойство растѣній зналъ онъ лучше нежели Соломонъ, котораго книги Елифаніи сожегъ. Другія науки онъ безъ

трудности своими силами постигалъ. Въ наукѣ врачевой превышалъ самаго Иппократа, потому что лучше зналъ свойство травъ, хотя она ему тогда и не нужна была.

Отецъ, желая нѣкогда потѣшиться надъ сыномъ, собралъ великое множество животныхъ, которыхъ младый Ураній до толѣ не видывалъ: скажи мнѣ говорилъ онъ, любезное дитя! чибобы это было за произведеніе натуры? А онъ, почитай однимъ взглядомъ проникнувъ свойство животныхъ, указывая оному, отвѣчалъ восточнымъ языкомъ: [ибо онъ родился жидъ и все дѣло это происходило на востоцѣ; да и въ тѣ времена всѣ люди говорили однимъ языкомъ:] это Гамаль (верблюды) ш. е. мспитель; ибо верблюды долго помнитъ обиды; это Бегеми (скотъ) ш. е. безсловесной: это Ргаа (ястребъ) ш. е. пронзительнаго взора; это Гаадъ (пеликанъ птица:) ш. е. пожирающая и изbleвывающая проч.

Ураній при такомъ просвѣщеніи неменьше былъ и добродѣтеленъ; да и неудивительно, ибо пороки раждаются отъ невѣжества и темныхъ воображеній. Отецъ самъ былъ его пѣсунъ, которой его неопшупно при себѣ имѣлъ, съ нимъ жилъ, ходилъ, говорилъ, обращался; а худыхъ сообществъ оному Ураній не зналъ; и по-

потому благополучный сынъ всѣ дѣйствія и намѣренія къ тому склонялъ, дабы не только родителю не раздражить, но все-совершенно ему угодить во всемъ. Словомъ, онъ былъ непороченъ и святъ; и какъ пламя простирается всегда въ высоту, какъ спрѣла лепитъ къ своей мешѣ, или пущенный съ крутой горы великій камень падаетъ на свѣй центръ; такъ его воля усмремлялась къ волѣ отца своего: не столь Апеллесова картина представляла живность висящихъ виноградныхъ кистей, сколь уподоблялся онъ родителю своему.

Не понималъ онъ совсѣмъ, что есть движеніе спрасей, а кольми паче пороковъ, да и не можно было; ибо увліе спрасей рождается отъ того, когда чувства превышаютъ и не покоряются разуму: но его просвѣщенный умъ владычествовалъ и управлялъ всѣми способностями душевными. Сильныя Океана волны тогда попопляютъ плавающихъ, когда кормчіи выпускаютъ кормило изъ рукъ; а великое тогда возжигается пламя, когда не угашаемъ искру. Ураній довольно могъ собою управлять; а нѣжная его и горячая къ отцу своему любовь подобна была великому морскому камню, о которой разбиваются сильныя спрасей волны.

По сему, не нарушалъ онъ никогда своей свободы; ибо свобода состоитъ въ

избираніи блага. Порокъ есть зло, попому и горочный человекъ не есть свободный, понеже не избираетъ онъ добра. Можно ли человека путника умирающаго въ пустынь онъ глада, назвавъ постникомъ? Можно ли осужденнаго на вѣчную работу назвавъ трудолюбивымъ? Можно ли тому терпѣнія добродѣтель приписать, у котораго съ похмеля голова болитъ? Кпо свободнѣе, благіе ли Ангелы, которыхъ всѣ дѣйствія устремляются къ Богу, или оппавшіе, которые утвердившись во злѣ, въ семъ только имѣющъ произволеніе, чпо могутъ шакъ или иначе симъ и другимъ образомъ дѣлать себѣ и другимъ зло? Но спросишь ты: чпожъ? развѣ они, и предавшійся въ плѣнъ порокамъ человекъ совершенно лишается свободы, сея способности, безъ которой человекъ не есть человекъ? Но скажи мнѣ, чпо есть навикъ? Не превращаетъ ли онъ всего человека? Навикъ есть другая природа. Подвергающіеся пїянству, любострасшію, горделивцы, корыстолюбцы кажутся будпо съ своими пороками родились? Нѣтъ, привычка превратила ихъ напуру! Ураній былъ наисвободнѣйшій человекъ, попому чпо былъ непороченъ.

Изъ таковой стрейности его души не могли происпекать шѣлесные недостатки; ибо кромѣ того, чпо напура украсила его всѣми дарованіями, не зналъ онъ ни слабостей,

стей, ни болѣзней. Онѣ и попятія не имѣлъ, что есть воздержаніе, отъ котораго рождается въ человѣческомъ тѣлѣ вредъ и расслабленіе.

Собою былъ онѣ сановитѣ, красоты чрезвычайной, скорѣ, поворотливѣ, ко всякому дѣлу способнѣ. и столько здоровѣ, что никакѣ не боялся смерти. Сіе въ прочихъ людяхъ не возможно, но въ немѣ было неувидимельно; ибо болѣзни и самая смерть рождаются отъ неравенства въ человѣческомъ тѣлѣ стихій. Богѣ премудро устроилъ составъ нашего тѣла изъ земли, воды, огня и воздуха; но человѣческому разсудку показалось бы не возможно соединить столь тѣло противныя между собою елементы, какъ то огонь съ водою: но Богѣ безъ всякаго трудности устроилъ согласіемъ сей составъ; они дѣлаютъ не разрывной между собою союзъ, доколѣ одна стихія сразмѣрна другой; но излишество на пр. огня дѣлаетъ въ насъ горячку, а недостатокъ лихорадку. Сіимъ согласіемъ соединилъ премудрый творецъ цѣлый свѣтъ, и малый міръ, человѣка. Для чего земля не падаетъ, будучи основана ни на чемъ? Для того, что воздухомъ со всѣхъ сторонъ окружается, и на немъ такъ виситъ, что упасть не можетъ. Для чего планеты не переменяютъ теченія своего, Сатурнъ обходитъ землю въ 29 лѣтъ 174 дни: Марсъ

въ одинъ годъ 320 дней: Юпитеръ въ 11 лѣтъ 17. дней, проч.? Потому, что сія Гармонія или концентъ составляетъ чудный въ свѣтѣ порядокъ. и естъ, какъ нѣкошорые говорятъ, душа міра. Небо служитъ землѣ согрѣвая; а земля служитъ солнцу, пищу подавая; опшпуда дожди, громъ, холодъ, теплоша, плодоносіе и неурожай. Ежелибы сіе согласіе хотя частію поврединъ, то бы міръ нарушился, или лучше сказано умеръ. Составъ человѣческаго тѣла подобно дошолъ крѣпокъ и твердъ, доколѣ сія Гармонія въ немъ сохранна. Маленькой воробышекъ, посаженный въ воздушной насосъ, когда извлекается воздухъ, помалу ослабѣваетъ, истончается, умираетъ, а иногда впушенный воздухъ его оживляетъ паки; также и тѣло наше когда превышаетъ въ немъ одна другую стихію, то подвергается болѣзнямъ, и по разрушеніи ихъ человекъ умираетъ. И такъ для чегожъ было Уранію бояться смерти, когда не было въ составѣ его тѣла, какъ нынѣ бывають въ насъ, причинъ, нарушающихъ сіе согласіе?

Правда, что были въ немъ другія къ тому споспѣшествованія, которыхъ въ насъ нѣтъ; онъ, зная совершенно врачебную науку, прибѣгаетъ могъ къ нѣкоторымъ жизненнымъ расптніямъ, которыхъ вкушая плоды, потчасъ бы могъ самые малые начатки болѣзней опизрапить.

Конеч-

Конечно слышавшись объ немъ нѣкоторый Китайскій Государь посылалъ юношѣ и дѣвицѣ искать на Японскомъ островѣ правѣ, которыхъ бы (какѣ его увѣряли) могли его вѣчно предостеречь отъ смерти. Омѣ чего и начало Японіи.

Не меньше можетъ быть способствова-
валъ Уранію къ сохраненію жизни и здравія
домѣ, которой ему отецъ своими почти
руками созидалъ. Слава и до сихъ поръ
по свѣту носится о семѣ, такъ сказать, ве-
ликолѣпнѣйшемъ замкѣ. Онѣ состроенъ
на такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чрезвычайнаго
солнечнаго жару, ни воздушныхъ перемѣнъ,
ни осенней погоды, ни зимнихъ мразовъ,
ни вредныхъ земныхъ паровъ спнудѣ не
было. Четыре наичистѣйшія и пріятнѣйшія
рѣчки окружали сей домѣ, и напаяли его
сады; вѣтры тихо продували сквозь густыя
плодовитыя древа; сладкое пѣніе птицъ
улаждало слухъ; пестроша цвѣтновъ, зрѣ-
ніе, плоды, вкусъ, всѣ чувства неизрече-
ную ощущали нѣжность. Иногда Ураній,
прогуливаясь въ саду, пересаживалъ древа,
поливалъ цвѣты, собиралъ плоды, никакой
не чувствуя усталости; а къ большему
удовольствію видѣлъ всегда окруженнаго
себя безчисленнымъ всякаго рода живоп-
ныхъ множествомъ, которыхъ такъ пріуче-
ны были, что не только не дрались, но
любовно на одной пажити липались, имѣ-
сшѣ

стѣ жили, ходили, почивали и разными образами старались Ураніа развеселять; иногда левъ лизалъ его ноги; иногда шигръ повертался предъ нимъ, и былъ столько же крошкѣ какъ агнецъ; есѣли онъ садился для покою подъ какое древо, то пшички слѣпались, и то прыгая, то взлѣтая на него, порхали то вверхъ то внизъ, и улаждали пѣніемъ; а когда Ураній засыпалъ, то тихое дѣлая молчаніе, какъ бы совокупными силами хранили его сонъ; а есѣли при восходѣ солнечноиъ ходилъ онъ на берега рѣкъ, то рыба прибѣгала ко берегу принимая изъ его рукъ кормъ. — Описавъ не можно, какія радости и удовольствія видѣлъ Ураній въ своемъ домѣ. Киптайцы много объ этомъ говорящъ, хващая, что сіа блаженная обитель населена была въ ихъ государствѣ. Арапы эту честь приписываютъ себѣ. Армяне говорящъ, что будто этотъ домъ стоялъ на Араратскихъ горахъ. А стихотворцы бредятъ, что этотъ самой домъ супъ Елисейскія поля.

Но все сіе Ураніево щастіе не могло сравниться съ тѣмъ неизреченнымъ благополучіемъ и увеселеніемъ, какое онъ почерпалъ изъ всегласнаго обращенія съ родителемъ своимъ. Не было бы намъ удовольствія въ щастіи, есѣлибы мы не имѣли съ кѣмъ его раздѣлить, или кому сообщить.

ишь. Взаимная опца съ сыномъ любовь, была въ высочайшемъ степени. Да и нельзя было Уранію родителя не любить; ибо кого мы больше любимъ? Въ комъ больше находимъ совершенствъ. Съ кѣмъ тѣснѣе дружимся? Съ кѣмъ сходнѣе нравами. Ураній находилъ въ опцѣ своемъ споль превосходныхъ совершенства, что ни въ комъ другомъ подобныхъ не видалъ. Ураній, во всемъ похожъ на своего опца, былъ его живое изображеніе; комужъ онъ могъ повѣрять болѣе свое сердце, открывать мысли, какъ не родителю своему? Иногда слушалъ Ураній совѣты, какъ сохранять свое благополучіе; иногда отецъ давалъ ему наставленія, какъ предбуготовить себя къ управленію своего царствованія; иногда научалъ какъ воспитывать, и дѣлать благополучными своихъ дѣшей проч.

Однажды онъ говорилъ ему такъ: въ несказанной радости люблюсь я побою, любезный сынъ! даровалъ я тебѣ жизнь, которую снабдилъ всѣмъ, что къ твоему щастію служишь; чрезвычайно увеселяюсь я твоими душевными дарованіями, твоимъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями. И хотя ты имѣешь довольно проницательной разумъ, но однакожъ ты человекъ молодой и не все на опытъ дозналъ. Знай, сынъ мой, что великое различіе разсуждать и дѣлать. Науки показываютъ намъ истинну;

ну: но опытѣ больше въ томѣ увѣряетѣ. Философы описываютѣ свойство земли; но земледѣлецъ лучше знаетѣ, какѣ посѣять и собрать. Хотя и ты, сынѣ мой! довольно просвѣщенѣ, однако же ты всего знать не можешь. Въ семѣ саду, которой я для тебя на адиѣ, есть растѣнія ядовитыя: онѣ не для тебя насажены; какѣ бы ты могѣ сдѣлать такой вредѣ. будучи твой отецъ, и любя тебя паче всѣхъ? Онѣ для другихъ причинъ; подобно какѣ видишь ты множество плодовъ, но всѣ ли для твоего насыщенія? Множество скоповъ, но всѣ ли такѣ, чѣтобы ты могѣ садиться на нихъ? Множество небесныхъ свѣтилъ, множество земныхъ произведеній, но всѣхъ ли ихъ одинѣ конецъ? Нѣтъ, сынѣ мой! иное для тебя нужно, иное полезно, а иное оставлено только для твоего увеселенія. Сія ядовитыя растѣнія не съ тѣмѣ здѣсь посажены, чѣтобы ты плоды ихъ вкушалъ; но чѣтобы ты зналъ ихъ свойство и силу, или бы изъ смѣшенія одной вещи съ другою производилъ что нибудь для тебя: Видишь ли, какѣ брошенное въ землю сѣмечко вбирая въ себя влагу, и согрѣваясь солнечнымъ свѣтомъ изъ согласнаго смѣшенія элементовъ производитъ великое и прекрасное древо? Хотя сіе есть произведение природы, но ты, сынѣ! можешь и искусствомъ до многого доходить. Можешь ты благо барашки сдѣлать неспреннимъ,

кимъ, сизаго голубка бѣленькимъ, алой розонъ бѣлымъ, желшой шюльпанъ алычъ; можешь, еспли только найдешь секретъ намуры, которой оставленъ для твоего упражненія. И такъ послушайся меня любезный сынъ! узрѣвши сіи ядовитые плоды, не потчасъ ты ихъ вкушай, какъ дѣлаютъ младенцы, но испытывай и узнавай, обращая такъ ихъ въ свою пользу. Я тебя люблю, но еще любезнѣе будешь ты мнѣ, еспли окажешь послушаніе мое; а чрезъ то и благодарность за мое къ тебѣ попеченіе: помни же мои повелѣнія, и хранись, дабы не подвергнуть себя несчастію, которое всего несноснѣе опеческому сердцу! Послѣ такихъ нѣжныхъ разглагольствій Ураній осмался одинъ, и гуляя въ саду вкушалъ въ удовольствія:

Какофитъ былъ слуга, котораго Ураніезъ опецъ чрезвычайно сперва любилъ; нельзя было его за превосходство не любить. Дарованія и разумъ были въ немъ огненные; онъ былъ разумнѣе самаго Уранія; это не удивительно, потому что слуги часто умнѣе бываютъ дѣтей. За сіи преимущества былъ онъ почтенъ въ особенномъ отъ другихъ опличіи, а у господина въ особенной милости. Но какъ злоупотребленіе и самую хорошую вещь можетъ учинить пагубною: то и Какофитъ всѣ свои природныя качества упошребилъ

въ зло по своему произволенію; онѣ посягнулѣ на жизнь своего Господина, обличенѣ въ хищности, предашель, злобной, завистливой, надменной, невѣрной, неблагодарной: словомѣ, онѣ первой былѣ, которой превзошелѣ всѣхѣ злостію и пороками; за то лишенѣ онѣ былѣ всѣхѣ милостей, изгнанѣ, опроверженѣ, и яко неключимый осужденѣ на всегдашнее рабство. Будучи въ крайнемѣ злоключеніи никогда онѣ не помышлялѣ о томѣ, какѣ бы исправиться и испросить прощенія: но какѣ кислота или соленость часѣ отѣ часу возрастаютѣ въ своемѣ веществѣ; какѣ гнилость въ плодахѣ, или рана въ человѣческомѣ плѣтѣ дѣлается часѣ отѣ часу болѣе, естли не исцѣляется врачеваніемѣ: такѣ пороки усиливаясь часѣ отѣ часу дѣлаютѣ волю развратнѣйшею.

Какофитѣ приобрѣлѣ въ вышшемѣ степени нахыкѣ, и былѣ наизлобнѣйшій; снѣдался онѣ завистію, взирая на благополучіе Уранія, и чѣмѣ больше воображались ему первыя милости Господина своего, чѣмѣ въ презрительнѣйшемѣ находилѣ себя состояніи, плѣмѣ осирѣйшимѣ копѣмѣ казался его сердцу Ураній: и какѣ ехидна, во чревѣ матерней носимая, проѣдаетѣ бокѣ и мать свою умерщвляетѣ, или какѣ адская фурія разтерзывая зубами свое сердце пожираетѣ; такѣ терзался завистію Какофитѣ.

По-

Покушусь я, думалъ онъ, не губить Ура-
внѣя; тогда буду я спрдасть не одинъ: пусть
же знаетъ его Опецъ, что не у меня одного
онъ достоинъ ненависти и презрѣнія; но что
и дѣлаи объ немъ тоже находятъ. Сколь
ни просвѣщенъ Ураній, думалъ Какофитъ,
но онъ еще младъ; и поелику всего въ свѣ-
тѣ не видалъ, то не трудно мнѣ его бу-
детъ обольстить. Слышалъ я, что ему
Опецъ наказывалъ, а то мнѣ и надобно.

Правду ли говорятъ, что Цирцея Улис-
совыхъ товарищей превращала въ свиней, вол-
ковъ, проч. Пиво давала опрѣшны? А это
заподлинно извѣстно, что Египетскіе волх-
вы могли, какъ Моисей, дѣлать изъ жезла
змію и другія привидѣнія: но сію волшеб-
ную науку лучше никто не зналъ Какофи-
та. Извѣстно, какое животное кроется
подъ зеленой муравой, дабы изъ подниха
ужалить. Какофитъ, надѣвъ на себя снран-
ной видъ, закрался въ густоту того самого
древа, котораго плоды имѣли въ себѣ ядъ.
Какъ зрящему окомъ въ пограниное стек-
лышко при обращеніи разнообразныя пред-
ставляющіяся фируры; какъ солнечные лу-
чи ударяясь въ море дѣлаютъ небесныя
разныя явленія; какъ Содомское яблоко съ
виду, ежели правда, чрезвычайно пригожее,
а взятое въ руки распадается; такъ пред-
ставилъ Какофитъ пріятными взору сіи ядо-
витыя плоды. Ураній изумился, и остался про-
б члѣ

чія дрова, обратилъ свое вниманіе на сіи плоды. Но тѣмъ спраніе казалось для него слышашъ изъ едва прозрачнаго сего и густаго древа разговоръ: знаешь ли, слышалъ Ураній, чѣмъ Отецъ твой безсмертную пріобрѣлъ славу? Знаешь ли по чему столь благополучную препровождаетъ жизнь? Это дѣлаютъ плоды, которые Онъ запретилъ тебѣ ѣсть, боясь, дабы ты не былъ Ему въ славѣ равенъ. Спарики мнипельны и злы, и самолюбіе ихъ превышаетъ любовь къ дѣшамъ: Не вѣрь. Ураніи изумился и размышлялъ; можно ли, думалъ онъ, чпобы Отецъ мой столь мудрый и благотворительный; можно ли, чпобы любя меня паче мѣрѣ сокрылъ отъ меня еѣ сихъ плодахъ средство къ достиженію славы? А Какофитъ подобился тогда ловцу звѣрей, которой мечется и взадъ и впередъ, дабы загнать въ пенепа.

Многіе и донынѣ удивляются, какъ Ураній, будучи сполько просвѣщенъ и превосходнаго разсужденія, могъ опидаться въ обманъ и погрѣшность; ибо погрѣшности раждаются отъ збивчивыхъ и несовершенныхъ понятій; какъ будшо бы онъ понималъ темно и ясно. Ежели онъ зналъ, что состояніе его было благополучное и совершенное, на чпожъ было большія славы желаніемъ ласкаться? А вопіѣ какъ это было: серебро хорошо, и всякъ желаетъ
день-

деньги серебряныя имѣть; но положивъ съ ними золотыя, куда желаніе уснастился? Хороша одежда изъ рублевого ситиная сукна; но ежелибы съ нею положена была намъ для выбору другая гораздо большей цѣны, какую бы мы взяли хотѣли? Хорошо жить въ деревянной горницѣ, лучше нежели на дворѣ; но превосходѣе каменные чертоги. Подобно сдѣлавъ Ураній, большая его Родителя слава воспалила въ немъ желаніе, хотя онъ и себя довольно щасливымъ почиталъ. Да и самъ Какофишъ онъ такого же сравненія довелъ себя до пагубы.

И такъ клеветушъ тѣ, которые напрасно обвиняютъ Ураніева Отца, будто онъ такъ глупымъ его родилъ, или лучшимъ образомъ воспитать не хотѣлъ. Нѣтъ, никто не можетъ Уранія оправдать!

Какофишъ между шѣмъ не преставае разспавливать свои сѣпи; и по вѣщью съ плодами наклоняе; по самые плоды на пригожую сторону обращаетъ; по ласковыми словами о полученіи родительской славы увѣряетъ не преставае; наконецъ по опснующаго, по въ робость приходящаго, по покушающагося, по руку протягивающаго и отхватывающаго; по очи закрывающаго и взирающаго, порывающагося и не желающаго Уранія склонилъ, прельстилъ,

уговорилъ, увѣрилъ, и вложивши въ руку къ самымъ почпи устамъ привелъ. Бѣдный Ураній вкусилъ и шутъ же бросилъ; но потчасъ позналъ дѣйствіе яда; а Какофитъ съ плескомъ, съ радостію, съ восторгомъ, съ крикомъ, съ хохотомъ прыгалъ, рыскалъ, бѣгалъ. Вкусилъ бѣдный Ураній, ахъ! увы! шутъ-по все его начинается несчастіе!

Ядъ потчасъ разлился по всему тѣлу, но прежде всего ослѣпилъ очи. Какое мученіе родилось въ душѣ Уранія? Какъ сильная морская буря начинается погружать корабль; какъ лютые на спутника нападаютъ звѣри; какъ пожаръ простирается въ великое пламя: такъ ему въ ту же минуту вообразились всѣ несчастія, въ которыя онъ начинаетъ вступать. Что дѣлать, и что предпріять, совсѣмъ не зналъ; а между тѣмъ чадолубивый Отецъ услышавъ неистовый Какофитовъ крикъ, поспѣшно текъ узрѣть сына. Не трудно было Ему опгадать причину Какофитовыхъ плесканій. Сынъ мой, говорилъ онъ, сынъ! гдѣ ты любезное мое дитя? приближись ко мнѣ.

Не такой чувствовала спыдъ баснословная Дафна и Болина, какимъ тогда покрытъ былъ Ураній. Онъ кидался съ мѣста на мѣсто; и по окуцывалъ голову
пра-

справою , то листвѣемъ покрывалъ лице , по хватаясь прятался за древо ; пррпемъ и спрахъ поражаъ его , когда слышалъ онъ Ошеческой голосъ : но Ошецъ подошедъ къ нему , говорилъ : изыди , сынъ мой ! покажи , въ какомъ ты соспояннѣ . Ахъ ! нѣтъ , оп- вѣспсвовалъ онъ : сердце мое изнываетъ опъ спраху , боюсь тебя ; но я не виноватъ ! не виноватъ ! Какофитъ всего зла причиноу . О ты недостойный сынъ ! сказалъ ему тогда ошецъ , ты и помилованія не пррбуешь моего . Самъ ты себя ослѣпилъ , такъ можешь ли ты наслѣдникомъ быть моимъ , можешь ли безъ зрѣнія поль великою областію управлять ? Изыди опсель , изыди недостойный , неблагодарный , пррзришель Ошеческія любви моя . Я раскаяюсь , я жалѣю , что тебя на свѣтъ родилъ : но раскаяніе мое соспоитъ въ томъ , что не хотѣлъ бы я въ такомъ нещастіи тебя видѣть , какому ты самъ себя подвергъ . Не думай , что ты мой сынъ : ты покусившись опнять мою славу и жизнь , сдѣлался несноснымъ моимъ врагомъ . Думаешь ли ты , что я тебя пощажу ? Нѣтъ ; я больше нежели Залевкъ . Какой бы я былъ Государъ , ежелибы въ царствѣ моемъ оставлялъ безъ мщенія злодѣйства ; ежелибы сильный упѣснялъ немошнаго , богатый нищаго ; ежелибы все царство мое управлялось насиліемъ ? Нѣтъ ! нѣтъ ! надъ побою - то я и покажу правосудіе мое ; весь гнѣвъ мой

на тебя изчю! Между тѣмъ Ураній падалъ на землю, шо воспывалъ; обливался слезами; билъ себя въ перси; а въ душѣ чадолюбиваго отца сражалась истинна съ милосердіемъ; но, какъ на вѣсахъ, ни одно другаго превыситъ не могло. Но что мнѣ дѣлать съ несчастіемъ твоимъ, говрилъ отецъ, слѣпоша очей естъ самая тяжкая болѣзнь, иди ищи врача; а я изобрѣну средство, какъ его къ тебѣ послать: а дабы знали подданные мои, что я правосудіе люблю, шо пусть казняися тобою; изыди опселя! ты недоспоинъ ни сего жилища, ни моего съ тобою обращенія.

Послѣ того отецъ съ крайнею оставилъ его жалостію; а Ураній изведенъ былъ изъ дому своего въ гнусное жилище, гдѣ онъ долженъ былъ бѣдспованъ съ подобными себѣ.

Нѣгдѣ въ Самаріи была долина, на которой приносили скверному Молоху въ жертву младенцевъ, которыхъ его сдѣланная спрашная статуя прижимая къ груди зѣрско умерщвляла; а дабы не слышатъ вопля, шо между тѣмъ дѣлали трубный звукъ и били въ бубны. Сей ужасный жершвы родъ у всѣхъ наконецъ народовъ почитался чудовищемъ, и мѣсто всѣми названо было адомъ. Жилище, въ которомъ опредѣленъ жить Ураній, весьма подобно было

было сей плачевной долины. Гдѣ онѣ ни ходилъ, что ни слышалъ, вездѣ находилъ мяшежъ, насиліе, вопль, по неумѣренный плачь, по тщетную радость, по жалобы родителей на дѣтей, по на невѣрность супружескія, по несносное угнетеніе рабовъ отъ своихъ господъ, по угнетеніе праведниковъ отъ нечестивыхъ, по живошнымъ спенаніямъ, по спонающихъ больныхъ, по въ болѣзняхъ или насильствен-но или нечаянно умирающихъ, по безъ-успѣшно помощи пребующихъ, по отчая-вающихъ, по на Бога вопіющихъ, по къ нему прибѣгающихъ и накі оппоргающих-ся, по проклинающихъ рожденія своего день, по хвлящихся въ порокахъ, по кумиры-лющихъ, по свѣпиламъ, водамъ, живош-нымъ, бездушнымъ и гадамъ поклоняю-щихся, клеветниковъ, неблагодарныхъ, не-вѣрныхъ, горделивцевъ, презрителей, до-сидителей, безбожниковъ, суевѣровъ, хищ-никовъ, убійцъ, лжецовъ, клятвопресуп-никовъ, и какъ бы въ огненной рѣкѣ мя-тущихся беззаконниковъ. Боже мой! гово-рилъ Ураній, какой я горестнѣйшей уча-сти подпалъ! Здѣсь ли я могу найти мо-его врача, когда всѣ язвительнѣйшими бо-лѣзнями заражены, которые тѣмъ паче несчастливы, что ниже болѣзни познашь хошанъ, ниже о исцѣленіи мыслятъ.

Сіе смущеніе было его души; а цѣло его, допалъ безбѣдственное, почувствовало

воздушныя перемѣны; среди дня томился онъ солнечнымъ жаромъ; при восхожденіи и захожденіи солнца испаявалъ онъ хладомъ, и потому скрывался въ пещеры, если тогда ошупью ихъ находить могъ, укрываясь корою или лисвиемъ. Пища его самая бѣдная была; иногда онъ пищался быліемъ правнымъ; иногда находилъ горькіе корни, или самыя непріятныя плоды; а жаждою весьма часто былъ томимъ, потому, что не всегда могъ до источника дойти; да и выходить боялся, опасаясь, дабы или звѣри не растерзали, или не заѣли собаки, или бы не ввалившись въ ровъ, или не упонуть, и безвременною не погибнуть смертію.

Когда онъ на зорѣ хощя не далеко отступалъ отъ своей пещеры, то мухи или комары, нападая толпами, паки принуждали возвратиться туда. Увы! говорилъ онъ во слезахъ, вся тварь на меня восстаетъ, и вся тварь совоздыхаетъ мнѣ. О любезный родитель! теперь то мнѣ живо представляются благодѣянія твои; узнаю теперь, какихъ - то лишился я благъ! но ахъ! поздно узнаю. Я неблагодарный презрѣлъ совѣсы твои! О жаль тяжкое преступленіе мое! нарушилъ я любовь, нарушилъ вѣрность, употребилъ во зло всѣ твои благодѣянія, что ты меня родилъ, воспиталъ, чью всѣми снабдилъ благами; все это я
пре

презрѣлъ и забылъ; самъ себя убилъ; погубилъ самъ мое богатство, похитилъ; словомъ, всѣ пресупленія въ моемъ беззаконіи заключилъ; да еще и признаюсь предъ тобою не хотѣлъ. О опче мой! не забудь меня стѣнящаго во мрачной пещерѣ моей; не забудь меня спранствующаго на опдаленной отъ тебя странѣ; не забудь меня въ семъ беззаконниковъ мятежѣ, не престанно на славу твою клезещущихъ! Умоляю тебя твою жизнь, которую ты мнѣ даровалъ; твою любовь, которую не могу изъ сердецъ своихъ искоренить родили кѣ дѣшамъ. Умоляю твоимъ милосердіемъ, которое предѣловъ не знаетъ. Воспомани твои обѣты! посли обѣщаннаго тобою врача! посли сего вожделѣннаго врача!

А ты, о злобный Какофитъ! утѣшайся нещастіемъ моимъ: но свободилъ ли ты себя отъ тяжкихъ твоихъ узъ? Желалъ ты напишься моей крови: но угасилъ ли злостныя души твоея жажду? Не терпѣлъ ты меня видѣть въ щастіи; но облегчилъ ли твое хотя мало заключеніе? Не думай, злодѣй! праведный гнѣвъ опча моего опмститъ тебѣ.

При сихъ смущеніяхъ чувствовалъ Ураній крайнюю въ душѣ своей перемѣну; и то вдругъ восплалялся гнѣвомъ; то признавалъ

валъ свою вину; но желалъ мщенія; похотѣлъ бытъ великодушенъ; но чувствовалъ ко всему ненависть; но преклонялся къ любви: и какъ отъ сильныхъ въспровъ колеблются древа, или кипитъ море; такъ необычайное движеніе крови возбуждало въ немъ спрасни, которыхъ онъ дошолъ, будучи умѣренъ, не зналъ. Да и не удивительно сіе въ немъ было; ибо спрасни наши тогда начинающъ свою имѣть силу, когда чувства не покарются разуму.

Но Ураній, будучи самъ причиною своего несчастія, и произвольно вкусивши ядъ, которой ослѣпилъ его очи, не разумно подвергъ себя всѣмъ тѣмъ паденіямъ, которыми на слѣпыхъ обыкновенно случаются могутъ.

Слава, или честь, какъ говорятъ, разжигаетъ умъ; а несчастіе пошемняетъ. Ирѣ зналъ нѣкоторые секреты напур, и могъ бы обогатиться, да никто ему ни въ полушкѣ не вѣрилъ, понеже былъ бѣденъ; а Крезъ и конечнаго блаженства жизни человѣческой не зналъ, да былъ богатъ. Овидій будучи въ ссылкѣ не зналъ куда дѣваться съ книгами: премногіе несчастные лишились случаевъ доказати свои дарованія и совершенства. А человекъ въ щастіи пользуется соѣтми другихъ, имѣетъ способы знать прошедшее, пользо-

зованъ

говаться наспоющимъ, располагаться въ будущемъ. Друзья, достатокъ, здравіе, съ разумными и добродѣтельными обращеніе, науки, и словомъ: честь могутъ ему подавать благовременные и довольные къ умѣренности духа, къ побѣжденію спрасей, и къ тому, дабы управлялъ разумъ чувствами, случай. А Ураній пользуясь обращеніемъ и премудрыми наставленіями своего отца, живучи въ довольствѣ и славѣ, всѣхъ смертныхъ въ щастіи превосходилъ; а лишившись очесъ, всѣхъ несчастнѣе былъ; ибо чѣмъ кнѣ съ вышняго мѣста падаетъ, тѣмъ больнѣе ударяется.

Иногда Ураній, выпалзывая изъ пещеры своей, садился подъ деревомъ; и какъ слѣные обыкновенно имѣютъ хорошій слухъ, то и онъ прослушивалъ свои уши, дабы успокоить по крайней мѣрѣ тихимъ журчаніемъ водъ, или пріятнымъ повѣваніемъ вѣтровъ смущенную душу: но иногда изъ отдаленности доходилъ до ушей его бѣднаго агнца крикъ, немилосердо терзаемаго волкомъ; иногда хищной ястребъ бѣднаго давилъ воробушка; иногда ревъ, ржаніе, крикъ и визгъ въ спадѣ скопцовъ, которые другъ друга рогами, зубами, копытами уязвляютъ; иногда вымещывающуюся изъ воды молявку отъ большихъ рыбъ пожираемую. Боже мой! говорилъ тогда Ураній, обливаясь слезами, и паки убѣгая
въ

въ свою пещеру; какія нещастія окружаютъ меня опивсюду, и самаго малаго пшеница пискъ пронзаетъ какъ стрѣла мое сердце! О коль праведно, опче мой! изгнавъ меня изъ дому пивоего, въ которомъ готовилъ мнѣ господство, подвергъ нещастію все то, что уготовано было на службу мою! Я все сіе заслужилъ. О бѣдности и оканчива моего!

Сии нещастія были общія, къ которымъ Ураній начиналъ мало помалу привыкать. Солнце и луна нѣсколько разъ совершили свой около земли въ теченіи округъ, какъ по вся дни слышимъ онъ нѣкоторой мятежъ и какъ бы начинающійся къ бунту заговоръ. Рысканіе и свисты Какофипа предвѣщали ему всеобщую какую нибудь бѣду. Въ самомъ дѣлѣ былъ тогда заговоръ, которой начинали осужденные жить съ нимъ въ одномъ жилищѣ противъ жизни отца его. Не столь великое приуготовленіе было къ Вапрахоміомахіи, которую описывая Гомеръ говоритъ, что мыши дѣлали свое оружіе изъ рѣпы и редьки; лягушки изъ болотныхъ травъ; сколько сии осужденники думали вооружиться противъ Ураніева отца, сего столь сильнаго Государя. Иной грозился его съ престола свергнуть, иной желалъ Какофипа на Царское достоинство возвести, иной стрѣлою хотѣлъ пронзить, иной жизни лишитъ

И хотя опѣ такового возмущенія много-
крашно совѣтами и угрозами воспящаемы
были; но рѣшились, поднялись, воспали,
взбунтовались съ шумомъ, съ крикомъ, съ
воплемъ, бѣжали, грозились, рвались, кри-
чали, толпами думали окружить, напасть,
поразить, смерти предать. Государь раз-
гнѣвался, и шептъ же всѣхъ приказалъ въ
море побросать: невинныхъ оспалось самое
малое число.

Тогда, во ужасѣ сидя, Ураній думалъ:
О коль великъ гнѣвъ опца моего! но пра-
ведный. Никпо бы его истинны не опо-
рочилъ, ежелибы онъ мою и всѣхъ жизнь
опнялъ. Долго онъ не смѣлъ изъ пещеры
своея выходить; но мало помалу прислу-
шиваяся примѣшилъ, что вездѣ было без-
молвіе, и самая оставшихся невинныхъ
людей малая часть спокойно пѣли хвалеб-
ныя родителю его пѣсни, возгнѣжая на
холмахъ нѣкоторой огонь, копораго туч-
ный дымъ ударялъ по нѣскольку въ его
обоняніе, а пламя подавало болящимъ очамъ
самый слабый свѣтъ, копорой по подобію
воздушныхъ явленій, или сквозь мрачный
туманъ видимыхъ звѣздъ заимспвующихъ
опѣбину да свѣтъ, потчасъ исчезалъ, или па-
ки покрывался птьмою. Конечно, думалъ
Ураній, вопль мой дошелъ до ушей Опца
моего, видно сжалился онъ на бѣдность
мою, и вращество мнѣ обѣщанное сокры-
ваетъ

ваетъ въ сихъ куреніяхъ! О Боже мой
 сколь тяжкая моя болѣзнь! сколь скучная
 жизнь! сколь тяжкое и преступленіе мое!
 Но вижу что родитель паки опдаетъ мнѣ
 свое благословеніе. . . .

Сею надеждою успокоевалъ Ураній смущенную свою душу; но по прошествіи нѣкотораго времени, слышавъ оиѣ паки молву: ибо жилище ихъ наполнялось паки осужденными, и злыя первыхъ преступниковъ сѣмена начали возраспашъ, подавляя, какъ терніе пшеницу, невинныхъ. Чѣмъ эпо! Думалъ Ураній, не ужѣ ли спрашное поппленіе вверженныхъ въ море бунтовщиковъ не приводитъ въ ужасъ преступниковъ. Память сего наказанія у всѣхъ въ свѣжей памяти; и смрадъ выкинутыхъ на берегѣ труповъ, сдѣлалъ воздухъ ядошорнымъ, а землю издающею гнусные и вредные пары, такъ что вся наша сія окаянная спрашная не что иное естъ, какъ всеобщая могила, или кладьбище.

Но осужденные не преставали дѣлать запѣи; сидѣть въ шемницѣхъ скучно, и опчаяніе привеспи можешъ ко всякому злу; ибо первое спасеніе плѣнниковъ никакого нечаялъ спасенія, говоритъ Виргилій. Они находили новый возмущенія родъ, инаковой, нежели сдѣлали ихъ предки. Мыслили они раззорить или по крайней мѣрѣ

опнѣть и заселишь замокъ, въ которомъ жилъ Ураніевъ отецъ; а сіе хотѣли они сдѣлать смѣшнымъ приспупомъ; онъ подобенъ былъ тѣмъ печуркамъ, которыя дѣши дѣлають изъ песку; ихъ уму представляются сіи кучки церковками, палатками и проч. но спарикъ мужъ проходилъ мимо, ниже взирая на нихъ; а иногда зацепясь, и разрушивъ, ногою производитъ въ нихъ плачь: подобно сіи затѣйщики чертили, кружили, рисовали, думали, спорили, располагали, уговаривались, наконецъ поползли какъ муравьи; иной пашилъ камень; иной носилъ глину; иной жерди волочилъ; иной воду подавалъ; иной лѣпилъ, иной укрѣплялъ; иной поправлялъ; иной снова ламалъ и передѣлывалъ; еще не докончавъ вознѣздились, возмостились, вспащились, вскарабкались, протягали руки, хватали шесты, метали стрѣлы, кидали камни; но весьма отъ своей цѣли далеко были: а между тѣмъ Ураніевъ отецъ хоня и съ гнѣвомъ на безуміе ихъ взиралъ, но изъ пошады, подобно какъ вѣшья, на которой вверху и внизъ ползають мурашки, пряхнулъ, и мгновенно всѣ пали, разсѣялись, разползлись въ страхъ, въ шепетъ, въ изумленіи; другъ друга толкали, давили, бѣжали по полямъ, по горамъ, по долинамъ, по лѣсамъ крылись, прятались; всѣ, куды кто и съ кѣмъ могъ, мгновенно разсыпались. Тогда Ураній сидѣлъ

дѣлѣ во ужасѣ, и слыша, что люди взадѣ и впередѣ бѣгаютѣ, закидалѣ свою пещеру хвороспумѣ, ожидая въ ней, доколѣ упишишся мятежѣ. Между тѣмѣ размышляя о неисповсѣмѣ мятежниковѣ, думалѣ: о коль родивель мой милосердѣ! конечно онѣ, милуя сихѣ преступниковѣ, мыслитѣ и о нещасномѣ сынѣ своемѣ; могѣ бы онѣ немедленно всю нашу спрану испребитѣ. Въ его ли бы толь проспранномѣ царствѣ могѣ послѣдовать чрезѣ такое прещеніе уронѣ? Могѣ бы онѣ все жилище наше сжечь и прахѣ развѣять. Благодѣлительнѣе нежели Антонинѣ, нежели Типѣ Веспасіянѣ; благодѣлительнѣе всѣхѣ обладавель свѣта; но я увѣ! я окаянный! презрѣлѣ, пренебрегѣ и во зло употребилѣ благодѣленія сіи!

Боль въ его очахѣ умножилась, слѣпопота усугубилась, и лѣтъ часѣ отѣ часу большую силу имѣлѣ; между тѣмѣ Ураній, прислушиваясь, ничего слышать не могѣ. Но трудно было ему узнать, что всѣ разбѣжались и жилище свое оставили пустымѣ. Сказываютѣ, что какой-то Бель, котораго Халдеи называютѣ Геркулесомѣ, а Ассиріане Юпиперомѣ, убійца Зороаспровѣ, а Семирамидинѣ мужѣ покушался тутѣ сдѣлать поселеніе; но все рушилось: а говорятѣ, что и теперь тамѣ видны развалины, и что населяютѣ сію спрану одни ядовитыя змѣи.

Тогда

Тогда Ураній началъ помышлять о себѣ; находилъ, что и ему болѣе въ семъ нудномъ мѣстѣ жить не можно. Сколь ни труднымъ представлялъ себѣ путь; но не столько ему всякаго роду спрашна казалась смерть, сколько желаніе врачевства побуждало всѣ проходитьъ опасности. Думалъ онъ всегда, что лучше умереть, нежели быть слѣпымъ, и живучи повсечасно въ горести умирать! и такъ рѣшился онъ какъ нибудь пробраться во Египетъ. Тогда слава начинала носиться, что Египетъ есть столица мудрости, въ которой со всего свѣта приходили учиться.

Гатрихъ Фухисъ, или сокровище душевнаго врачевства извѣстнымъ учинилось свѣту. Ураній думалъ, что ежели въ Египтѣ могутъ врачевать души; то не лзя, чтобы не могли уврачевать слѣпоты очей. Не долги были его зборы. Слѣпому паче всего попребецъ посошокъ, съ которымъ онъ отправился въ свой путь. Пилался подаяніемъ, но весьма часто голодомъ испаявалъ. Опецъ не оставилъ его безъ провожаго, и хотя казалось, что это выискался какой нибудь ему добродушной спутникъ: но сіе благодѣяніе было ему послано отъ чадолюбиваго родителя; и потому сколь ни несчастенъ былъ Ураній, но провожагой имѣлъ повелѣніе отъ него не отступнымъ быть. Какофитъ и
в в

въ несчастіи, каковаго уже больше причинить не можно, хотѣлъ надъ Ураніемъ поиграть за то только, что онъ опроверженный сынъ, пишущійся нѣкоторою надеждою къ возвращенію своего благополучія; а Какофимъ, рабъ лишенный навсегда милостей своего Господина, развратилъ провожащаго, и вкоренилъ объ Ураніи самыя неисповыя мысли; всѣялъ къ нему презрѣніе, гордоспъ, ненависть; и попому дѣлалъ онъ ему во все время несчастія превеликія пакости. Иногда его одного покидалъ; иногда спалъ, когда надобно было иппи; иногда въ опасныя мѣста заводилъ; иногда издѣвался, оппимая палочку, запутывая ноги, возводя на гору, вшакливая въ грязь, прицѣпливая къ чему нибудь; словомъ, былъ самой невѣрной и худой вожахой; и Ураній уже послѣ узналъ, что имѣлъ онъ участіе въ заговорахъ къ обопимъ мяпежамъ.

Достигли они наконецъ до Чермнаго моря. Опшуда дошли въ Тебы городъ, котораго спно воронъ прославлены Гомеромъ; а послѣ пошли въ средній Египетъ, гдѣ его вожахой съ превеликимъ удовольствіемъ рассказывалъ о пирамидахъ, обелискахъ, Лабиринтѣ, Меридовѣ озерѣ, о порогахъ, испочникахъ, разлиіи, мѣрѣ Нила рѣки проч. Но сколько помѣ искусству удивлялся въ Египтѣ, столько Ураній думалъ о своемъ вра-

врачевствѣ; но по нещастію его, врачебная наука не была тамъ въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ землемѣріе и архипекшурѣ; ибо каждой Докторъ лечилъ только тамъ одинъ родъ болѣзни; а ядъ, коимъ ослѣпилъ очи Уранія, разливался и по всѣмъ другимъ членамъ тѣла.

Ходили иногда они къ жрецамъ, въ которыхъ, по служу, вся скрывалась мудрость. Но Ураній хотя и нещастный, но порфирородный, и опѣ напуры имѣя великой даръ, внутрененно почиталъ ихъ паче безумными, а не мудрецами; ибо поелику одни кланялися крокодилу; другіе трепетали предъ нажавшеюся змѣй пиццею Ибисомъ; тамъ златорый образъ сіялъ святыя обезьяны; индѣ морскихъ звѣрей, здѣсь рѣчную рыбу, тамъ цѣлыя народы пса почитали; сверхъ того рѣпчатый и мѣлкій лукъ грѣхъ у нихъ рвать и кушать; гдѣ по садамъ родились боги. При такомъ омраченіи ума, думалъ Ураній, не можно найти того душевныхъ лекарствъ сокровища. Весьма скучалъ онъ, что столь далекой и трудной предпріиалъ путь; а вожашой не преставаля ругаться надъ нимъ; подводилъ иногда Уранія къ чучаламъ, лошадей, воловъ, собакъ и проч. которыхъ въ Египтѣ славялись для устрашенія преступниковъ; и подводя его голову, или руку къ устамъ сихъ мнимыхъ живописныхъ,

смѣясь кричалъ: ужо тебя сѣбѣ! Сіе наказаніе Пинеогорѣ, научась въ Египтѣ, всему свѣту обнародовалъ.

Ураній часъ отъ часу въ большую ввергался печаль, да и болѣзнь его усугублялась. Не терпѣливо хотѣлось выпши ему изъ Египта, и дойти въ тѣ страны, въ которыхъ слава дѣлъ его Ошца весьма громко носилась, и который устроилъ когда-то для преведенія воинства своего чрезъ Черное море мостъ преудивительнаго искусства, которому нынѣ ниже подражать могутъ.

Перешли они море, и вожакой завелъ его путь въ непроходимыя пусыни, въ которыхъ премногія терпѣлъ онъ бѣдствія; иногда помиралъ онъ съ голоду; иногда томился жаждою; иногда угрызали его змѣи, и средства не зналъ, какъ и куда выбраться изъ такихъ бѣдственныхъ мѣстъ. Тогда Уранію нестерпимо назалась жизнь, и онъ многократно желалъ умереть.

Между тѣмъ гнѣвный и чадолюбивый Отецъ наблюдалъ слѣды сына своего, боясь, дабы въ горести не нанесъ самъ себѣ насильственно рукъ. И хотя всегда объ немъ крайне сожалѣлъ: но дабы оказати подданнымъ свое правосудіе; не хотѣлъ онъ вскорѣ пресупленіе его простишь, да и не могъ

могъ слѣпошествовавшему наслѣдное царство вручить; хотѣлъ также произвести большее желаніе къ изобрѣшенію врачевства, а чрезъ то бы ему и тяжесть узнать своей вины.

И какъ нѣкогда Ураній приближился къ высокой горѣ; то Опецъ хотѣлъ ему шамъ скрипно явиться. Въ то время сдѣлалась воздушная перемѣна: буря, громъ, молнія, шрескъ, вѣтръ въ смященіе привели Ураніевъ духъ; но при пихомъ послѣ зефиръ слышитъ онъ голосъ подобной родителя своего. Сердце въ немъ запрепало. Смященный радостию и страхомъ, съ поспѣшностію восходитъ онъ на сію гору; блещущая молнія пожгла всѣ вредныя частицы; а воздухъ и безъ того на вышшихъ мѣстахъ чистѣйшій, освѣтилъ нѣсколько его очи, и онъ, подобно какъ сквозь завѣсу, узрѣлъ нѣкопоруую родителя тѣнь, но на одно шокмо мгновеніе ока. Пріими пвое врачевство! услышалъ онъ збивчиво. Послѣ того нашелъ онъ свипокъ, копораго писаніе возашой ему прочелъ. Коротко было написано слѣдующее: для пвого врачевства омывайся чистѣйшею агница кровію; а дабы получить тебѣ наслѣдство свое, заплаши мнѣ сразмѣрно за обиду.

Тогда Ураній въ крайнемъ будучи удивленіи разсуждалъ: чудное и неслышан-

ное врачество! обмываться кровію невиннаго агнца, и для соблюденія челоѣческой жизни лишашъ жизни животныхъ. Какое для меня непонятное таинство! видно прошивное уврачевать должно прошивнымъ, т. е. смертію жизнь. По угрызеніи змѣею ноги, должно, расперзавъ голубя, приложить кровопочащаго къ язвѣ; сіе средство извѣстное: но мудрый и опыты знающій мой Отецъ, можетъ быть сокрываетъ въ агнчей крови секретъ, мнѣ непонятной, дабы я къ познанію самъ доходилъ. Кропились сею кровію Авель, Енохъ, Ной, Авраамъ и проч. И хотя не были они слѣпопоспвующими; но видно, что есмь въ ней врачество и отъ другихъ болѣзней. Но моя содрогается душа, воображая жестокость убійства: какъ могу простерши руку мою, и поразить острымъ ножемъ связаннаго, помящагося и умильно на меня взирающаго маленькаго, бѣднаго, а паче невиннаго ягненочка? Ежели я безъ слезъ и жалости не могъ слышать писку въ кохтяхъ яспребя умирающаго воробушка, то какъ приспуплю къ сему пролившю крови? Но вотъ познаю намѣреніе Отца моего! онъ хочетъ, чтобы я, закалая сіе живописное, данное на службу мою, позналъ тяжесть преспупленія моего; позналъ, что я преспупникъ его повелѣній, сего закланія, сея смерти; я пакой жестокосни и мученія достоинъ: о коль праведно Отче мой!

мой! я всего достоинъ! но да будетъ такъ! исполню сіе! — Но могуль сразмѣр-
ную цѣну за обиду поставишь? Не вѣчно
ли паче лишаться мнѣ наслажденія своего?
Я нищъ и нагъ! когда я блаженную про-
ждалъ жизнь, и тогда богатство мое не
сразмѣрно было славѣ родителя моего. Но
коль сіе нынѣ не возможно! можетъ ли
человѣкъ рѣку воды выпить? Можетъ ли
гору на другое мѣсто переставить? Кто
можетъ на небо взойти? Нѣтъ! нѣтъ! ни-
чѣмъ за обиду не могу удовлетворишь. Но
не пребуешь ли Опецъ мой, думалъ Ура-
ній, сего удовольствованія, дабы я падъ
предъ ногами его испросилъ его помилова-
нія, чего прежде не сдѣлалъ. Нѣтъ! па-
ки самъ себѣ возражалъ; не можно симъ
средствомъ упоишь гнѣвъ Отца моего;
ибо можно ли пролившую воду собрать? Убий-
ца, приносящій покаяніе въ душегубствѣ,
возвращаетъ ли опиявшую у ближняго жизнь?
Жаль было Клііпа, котораго пьяный Але-
ксандръ убилъ; но раскаяніе оспалось, а
жизнь невозвращена.

Такъ разсуждая Ураній, сколь ни труд-
ные находилъ для себя, къ возвращенію
перваго щастія, способы; однако же былъ
упѣшенъ; паче всего чувствительно было
для него первое средство т. е. проливіе
крови. Вожатой его не оставилъ и шутъ
безъ ругательства; наложилъ препяжіе на

него оковы, которыхъ онъ, во все время несчастія своего, свергнуть съ себя не могъ.

Попомъ пустились они паки въ путь Уранію весьма хотѣлось иппи въ Палестину, дабы видѣть Соломоновъ славный храмъ, и омываться изобильно шамъ проливаемою живошныхъ кровію: но вожапой терпѣть того не могъ; и такъ свелъ Уранія съ истиннаго пути, и повелъ его въ Грецію.

Не сполько Индійцы хвалились своими браминами; Египтяне своими жрецами; Еѳіопы Гимнософисіами; Либійцы своимъ Апланшомъ, Галлы своими Друзидами сколько Греція своими Академиками, Перипатетиками, Спсиками, Сцепшиками, Циниками и проч. Слава по всему свѣшу пронеслась, что Минереа изъ Египта перешла въ Грецію. Ураній, будучи въ оковахъ, насильно, такъ сказать, влекомъ былъ опъ своего вожапаго, которой въ Греческихъ городахъ ругался надъ нимъ болѣе, нежели гдѣ индѣ.

Пришедъ они въ славный городъ Аѳины, нашли какого-то широкоплечаго философа; около его раскладены были нѣкоторыя поемы, трагедіи, живописныя посредственныя каршинки; сидѣлъ онъ на Академической кафедрѣ, и когда обучалъ физикъ, то поминалъ Гераклипа; а когда
До-

Логикѣ, то упоминалъ о Пифагорѣ; во нравоученіяхъ о Сократѣ; и какъ слухъ носился, что будио онъ возвращаясь изъ Египта, чиналъ на дорогѣ Моисеевы книги, то пошому, можеть быть, признавалъ онъ единого Бога; но бредилъ, будио ему помогающе демоны и какія то героини. Тертуллианъ (церков. учин.) говоритъ, что изъ его ученія многія въ хрисііанствѣ родились ереси.

О врачебной наукѣ онъ ничего не упоминалъ, и пошому Ураніи не охотно его слушалъ.

Пошомъ надобно было ему иппи чрезъ Сипагириниѣ. Городъ сей былъ нѣкогда разворенъ; но В. Александръ, изъ благодарности къ своему учителю, кошорой въ немъ родился, возспавилъ и возобновилъ. Желательнo было слышати Уранію чтонибудъ ошъ такого учинеля; а вожашой удивясь говорилъ, что ешомъ самой низенькой и непригожей философъ сидѣлъ подлѣ той кашедры, гдѣ они были, и учился. Правда, что онъ ученіе яснѣе своего учителя предлагалъ, но и говорилъ много шого, о чемъ его учитель не ушверждалъ. Онъ на пр. сказывалъ, что міръ сей вѣченъ; что въ свѣтѣ все бываетъ случайно и проч. О врачевствѣ также ничего не упоминалъ; пошому Ураній больше ни слушати ни медлши не хотѣлъ.

Потомъ пришли они въ Кипръ; на пристани расхаживалъ взадъ и впередъ мудрецъ, котораго видъ, голосъ и осанка показывали неустрашимость; подлѣ него ходили Клеантъ, Хризиппъ и премногіе другіе. Сказываютъ, что слышалъ онъ Оракула изреченіе, дабы обращаться съ мертвыми людьми т. е. книгами. На томъ самый случай, когда Ураній шунтъ стоялъ, спросилъ одинъ изъ его учениковъ: что есть другъ? Отвѣчалъ: я другой. Научалъ онъ, что Богъ есть душа міра; что человекъ и въ Фаларидовомъ быкѣ есть блаженъ; признавалъ въ свѣтѣ случай; ругалъ страсти; а о врачевствѣ также ничего не упоминалъ, и поному Ураній болѣе ничего не слушалъ; хотѣлъ было иппи въ другія города; но зашелъ паки въ Аѳины.

Тутъ нашли они уже новаго учителя, которой въ то время краснорѣчіе ругалъ за то, что оно соединяетъ въ пустотѣ и надупливости словъ. Упоминалъ онъ также о какихъ-то атомахъ, или единицахъ; будто они летая, какъ пылинки, случаевъ какимъ-то составили міръ. Дозволялъ вѣдаться во всякой родъ сластолюбія, и хотя нѣкоторые защищаютъ его въ семь, а обвиняютъ Аристиппа одного; но Ураній самъ слышалъ, какъ онъ научалъ, что души человѣческія пропадаютъ съ тѣлами сво-

своими; и будто бы Богъ ни малѣйшаго попеченія о мірѣ не имѣетъ. — О вращевствѣ онѣ ниже словомъ упомянулъ, опѣ чего Ураній часъ опѣ часу въ большую погружался печаль.

Видѣли они туже еще какого-то учителя, которой, сказывающѣ, сперва былъ живописцемъ, а послѣ учился у волхвовъ. Онѣ весьма мало говорилъ; а въ преликой задумчивости уходилъ въ уединенныя мѣста, и на смерть не любилъ, когда кто его о чемъ спрашивалъ, или поговоришь съ нимъ хотѣлъ. Ученикамъ своимъ иногда на вопросъ отвѣчалъ, что онѣ да и никто ничего не знаетъ, и полно естъли онѣ въ свѣтѣ, и о томъ сомнѣвается. Сколь ни былъ Ураній огорченъ, однако уемѣхнулся, и прочъ пошелъ.

На послѣдокъ попались имъ еще двое мудрецовъ гораздо удивительнѣе, нежели всѣ прочіе. Учитель самъ ходилъ когда-то учиться къ Сократу изъ Пиреи каждой день по 40 верстѣ: а ученикъ его и того былъ удивительнѣе. Вожапой рассказывалъ Уранію, какъ онѣ одѣтъ въ епанчу, которая виситъ на одномъ плечѣ, въ рукахъ дубина, за поясомъ ковшъ, которымъ воду черпалъ, а послѣ бросилъ; волосы не причесаны, не умытъ, безпеченъ; живетъ въ бочкѣ, которую на ту обращаетъ сторону,

рону, куда съѣшитъ солнце. Весьма много смѣшнова видно было въ немъ. Любилъ онъ одну Моральную философію, а прочіе всѣ науки ругалъ. Сказывающъ, что при смерти спрашивали его друзья; гдѣ и какъ его похоронить? Бросьте меня отвѣчалъ, на снѣденіе пшцамъ; только положице возлѣ меня палку, чѣмъ бы можно было отбиться.

Попадались имъ и еще премного по всей Греціи такихъ мудрецовъ, но они всѣ были сихъ вышеупомянутыхъ послѣдователи, и какъ ихъ учили, такъ и они не только между собою не были согласны; но презирали, смѣялись, другъ друга ругали и порочили; и какъ раки въ кулькѣ вмѣстѣ сидятъ, а выпущенные ползали на разныя стороны.

Ураній крайне сожалѣлъ, что принималъ путь свой въ Грецію, столько же тщетно, какъ и въ Египетъ. Думалъ было онъ найти Гиппократъ Ескулапіевъ сына, и отъ него получить какое нибудь исцѣленіе очамъ; но онъ тогда жилъ, какъ нѣкоторые думаютъ, у Пердикки Македонскаго Царя. Впрочемъ у нихъ и не дозволялось учиться свободно медицинѣ. И Агнодицея, дѣвица прерядившаяся въ мужское платье, и обучившаяся скрытно поивальному искусству, дабы дѣлать по-

мощь безвременно премногимъ умирающимъ родительницамъ, побудила Ареопагъ къ изданію закона, въ которомъ позволялось учиться благороднымъ врачевству; но и то ограничено.

Самъ вожатой скучился болѣе по Греціи бродить, а Уранію нетерпѣливо хотѣлось изъ Греціи изыти, и иппи въ обѣтованную землю, въ коей, помня данное ему на горѣ предписаніе, ушѣшался онъ надеждою получить облегченіе омышіемъ крови своихъ очей.

И такъ вышли они опшоль, и продолжали путь свой весьма тихо; ибо Ураній съ печали, оковами и болѣзнію угнѣтаемый, едва могъ ноги волочить. Усилью и со слезами просилъ онъ вожатаго, дабы, сжалившись надъ его бѣднымъ состояніемъ, не заводилъ болѣе никуда, а шелъ бы прямо въ Іерусалимъ. Вожатой не только на слезы его преклонился не хотѣлъ; но пылая къ нему ненавистію, а своимъ любопытствомъ нетерпѣливо желалъ видѣть Римъ.

Ураній никакъ не могъ поспѣшно иппи, и потому путь ихъ былъ долговременною; а между тѣмъ Римляне соорудили великолѣпный Минервѣ храмъ. Муміевъ указъ повелѣвалъ перевозить всѣ Гре-

Греческія изъ Коринѳа, Аѳинъ и проч. рѣдкости въ Римъ; и ежели кто на дорогѣ упрочивалъ, или повреждалъ какую дорогую вещь, то на мѣсто ихъ вдвое повиненъ былъ платитъ. Солоновы законы перенесены и на двенадцати таблицахъ обнародованы. Науки часъ отъ часу умножались, возраспали и въ цвѣтущее состояніе приходили начинали. Музы основали тамъ свое жилище, и любители наукъ Римъ сдѣлали своею столицею.

Наконецъ приплелись они въ Римъ: Ураній едва ноги волочилъ. Вожаной рассказывалъ, сколь великолѣпные въ немъ храмы, какія зданія, каналы, сады, мосты, статуи, обелиски, библіотеки, театры, теплицы и проч. Но Ураній ничего объ этомъ слышать не хотѣлъ, да и самъ вожаной удивлялся, что сіи великолѣпныя зданія не только хуже Египетскихъ были, но ничѣмъ не отличны, и почти нѣже самыя, испорченныя въ Греціи были. Мудрствованій въ Римъ отъ Греческаго различныхъ они не слыхали; но все тожъ тамъ говорили, и тому жъ научали съ нѣкоторымъ весьма немногимъ прибавленіемъ. И хотя называли они себя добродѣтельными и мужественными Стоиками, но были болѣе послѣдователи Епикуровы. Думалъ было Ураній, что почипаніе сея секты доуждѣ привело можетъ быть у Римлянъ въ

въ совершенство врачебную науку : ибо гдѣ разпущенная жизнь , шумъ и болѣзни ; а гдѣ больше болѣзней , шумъ больше и врачей . А больныхъ лечили они слѣдующимъ образомъ . Выносили недужныхъ и полагали при публичныхъ дорогахъ ; проходящіе сказывали иногда ко уврачеванію способъ , ежели сами въ такихъ же когда нибудь болѣзняхъ были . По выздоровленіи написывали эпосъ самой способъ , и приносили къ жрецамъ , или прибавляли у храма на дверяхъ . Сказываютъ , будто Гиппократъ , собирая сіи записочки , вписывалъ въ книгу , и шѣмъ положилъ начало врачебной наукѣ ; а что Пиппы говорятъ , будто бы врачевства изобрѣшатель Аполлонъ , то разумѣютъ они , чрезъ эню , свойство солнечной теплоты , оживляющей растѣнія . Но какъ сей способъ полагать на улицахъ больного показался самимъ Римлянамъ скупенъ и невыгоденъ : по учились у нихъ врачевству одни рабы , и знали только одинъ родъ болѣзни ; потому и Ураніева надежда ко уврачеванію себя совершенно тщетною осталась . Слухъ носился , будто изъ Пергама (Азіат. гор.) пріѣхалъ въ Римъ Галенъ , что и правда ; но убоясь моровой язвы паки опшуда бѣжалъ ; оставилъ только 200 книгъ , копорыя послѣ его въ пожаръ въ затворенномъ Януса храмъ сгорѣли .

Тогда

Тогда Ураній думалъ: доколѣ я не увижу предѣловъ горести моея! будучи опъ всюду нещаспемъ окруженъ, вѣчно лишаясь надежды зрѣть мое исцѣленіе, зрѣть лице благошворительнѣйшаго родителя моего. Опъчаша же долженъ бы я умереть; еслибы не удерживали опъ того обнадеживанія моего праведнаго Опца, копорой никогда меня обмануть не хочетъ. О любезный родитель! сжался надъ бѣдноспію сына своего: сжался и отврати сіи заключенія, копорыя претѣрпѣваю я, опшедъ опъ себя на далекую страну!

Послѣ того рѣшились они прямо ийти въ Іудею, и вожатой не спорилъ: но Ураніевъ вѣкъ уже преклонялся къ старости. И когда наконецъ пришелъ въ крайнее разслабленіе и немощь: то ушѣшался онъ иногда во снѣ, а иногда и на яву [ибо на то мгновеніе ока оптверзался слабый очамъ сѣмъ], явленіями. Иногда представлялись ему жашва и серпъ; иногда горящій уголь, иногда свѣтоносный Ангелъ, иногда чудная лѣспвица, проведенная къ дому его опца; иногда новый Іерусалимъ. Однажды видѣлъ онъ пресудивительное коло свѣшное, огненное, блистательное, представляющее въ срединѣ человека, а по чешыремъ спранамъ чешырехъ животныхъ съ крыльями, и само собою движущееся, чешыре лица, человѣческое, львиное, пельчсе

чье и орлєе, и чєтыре крыла обращались, не смѣшиваясь съ своимъ кругомъ; въ срединѣ ихъ былъ какой то блистательной свѣтъ, подобный видѣнію свѣща соображающихся посредѣ живописныхъ, опѣ копорыхъ блистала какъ будто нѣкоторая молнія; и когда двигались, или шли сіи живописныя, тогда двигались и колѣса, и все сіе двигалось духомъ: изъ средины слышанъ былъ великій шумъ, а свѣтъ подобенъ былъ радугѣ. Самъ Ураній не понималъ, что это видѣніе посовоображенію ли одному только представилось ему, или тѣлесно, и попому незналъ какъ исполковать. Думалъ онъ, что эта Гієроглифическая колесница, или означаетъ ту торжественную побѣду, которую нѣкогда Отецъ его одержалъ надъ Египтянами; или праведный наступающій его судъ; или больше его поспѣшность, предприимчивость въ дѣлахъ и неукоснительную пребуяущимъ поможь, и попому толковалъ онъ себя это въ хорошую сторону. Спрашнымъ казалось сіе явленіе, и Раввины спражайше запрєтили, дабы никто не дерзалъ оноє толковать.

Послѣднее явленіе паче всѣхъ устращило его; но пріятную однако же возродило въ немъ надежду. Видѣлъ онъ какого то свѣтоноснаго мужа, которой возбуждалъ изъ гробовъ тѣхъ мертвыхъ, коихъ имена впи-

саны были въ книги, среди ихъ суда лежащія. Другой муѣ, облеченной во льняную одежду, стоялъ на водѣ, и поднимѣя руки свои къ небу клялся, что во время и во времена, и въ полъ времена по скончаніи будетъ разѣніе людей; а до исполненія сего запечатана была книга. Ураній толковалъ, что въ сіе назначенное время послѣдуетъ конецъ бѣдствіямъ его, и что милосердый и правосудный Опецъ его посылаетъ ему обѣщаннаго врача; что скоро онъ узритъ свѣтъ, и паки будетъ имѣть право быть наслѣдникомъ обладанія своего; въ чемъ онъ и не обманулся.

Питаясь сладкимъ упованіемъ, продолжалъ Ураній весьма тихо путь свой, болѣзни, оковы, несчастія, спаросы, драхмы привели его въ крайнее изнеможеніе; но какъ нѣтъ ни одного несчастнаго, коимъ бы не питалъ себя какою нибудь надеждою; то и Ураній облегчалъ нѣскольکو оною злоключенія и горести свои. Хищныя птицы сѣдаютъ иногда пріятнѣйшіе чрезъ все лѣто брегомыя плоды предъ нѣмъ, какъ только было сорвать надобно; шестилѣтняго сына, несказанную для родителей утѣху, похищаетъ иногда смерть; морскія иногда волны разбиваютъ корабли у самаго приспанища; приходящій къ самому окончанію, домъ испребляетъ иногда пожаръ: подобное несчастіе постигло Уранія.

Въ самой Самаріи подходилъ онъ ко Іерихону, городъ хотя и изобильной плодами, но давно пагубный ворами вредными. Адоминъ было мѣсто на срединѣ пуши, на которомъ попался бѣдный Ураній безчеловѣчнымъ разбойникамъ въ руки. Вожатой бѣжалъ и скрылся. Сорвавъ съ него напередъ плаще, били они его, мучили, рѣзали, терзали, и еле жива сущаго оспавили на пуши, гдѣ, понеже ни по́моши ни врача не было, по единственно оспавалось умирающъ. Сіе безчеловѣчное разбойническое дѣло показывающъ, какъ-то изсякла между людьми любовь! пуши и спрантвованія. сущъ Божія усталоженія, которой хотѣлъ, дабы люди симъ средствомъ соблюдали взаимное другъ другу вспоможеніе, порги и дружество; но лжецы и обманщики, ищущіе своей корысти, и желающіе ближнему зла, сущъ разбойники. Ураній спеша, и съ минутой на минутой ожидалъ своей смерти. По случаю шли мимо его Левиты, попомъ священникъ Уранію надобно было чаять оныхъ по́моши; ибо ежели священники научающъ закону Божію, и вкореняющъ къ Богу и ближнему любовь, то конечно бы можно сжалились надъ его соспояніемъ. Правда, что со ужасомъ они взглянули на его раны; но не прерывая продолжали пушь свой.

Уже было началъ Ураній закрыватьъ зѣницы свои; испончевались уже силы его; мровъ повсюду ручьями текла; не въ силахъ будучи двигаться, только было испустить духъ свой, и душа его почти разлучалась съ тѣломъ; какъ въ то самое время шелъ иѣкшо Самарянинъ. Сердце сего Самарянина содрогнулось отъ жалости, взирая на безчеловѣчное мученіе. Олицы не имѣющъ такого челоуѣколюбія къ дѣтямъ, сколько сей Самарянинъ оказалъ своей надъ Ураніемъ любви. Остановясь на пупи, сошелъ съ своего коня, поднялъ его съ бережливостію, и обвязавъ его раны привезъ въ госпиталицу. Слѣпопослвующій Ураній начиналъ возвращатьъ душу, но не могъ видѣть, кто это былъ премилосердый благотворитель его.

Но сей - то былъ онъ возделѣнный врачъ, котораго Опецъ послать обѣщалъ ему при самомъ преспуленіи его. Сколь великое несчастіе было Уранія, столь великъ и сей врачъ! Лежащаго на одрѣ Уранія окропилъ онъ живою водою: тогда - то начали у него ошверзаться очи. Боже мой! какую почувствовалъ гѣ сердцѣ своемъ радость! не столь радовался Іаиръ по воскресеніи дочери своей, какое веселіе ощущалъ Ураній въ душѣ своей. Тогда онъ любезными очами воззрѣлъ на врача своего. Ахъ! что я вижу! говорилъ, сей есмь самый опецъ

опецъ мой, сей есть самой я. Ничего подобнаго въ свѣтѣ пайпи не возможно; онъ мнѣ жизнь даровалъ, онъ меня и онъ смерти избавилъ. Благотворительный врачъ не преспавалъ омывать живописною водою его раны. Исколь тяжкія были сіи раны, сколь удивителенъ врачъ, столь и самая его живоносная вода.

Сіе необыкновенное врачество слѣдующимъ образомъ сдѣлано было: Какъ-фишъ зная, что сей Филиппропъ равный по всему Ураніеву Опцу (такъ имя было врачу), надѣвъ на себя другой видъ, желалъ избавить Уранія отъ несчастія, хотѣлъ по злости своей найти къ нему въ препяпшія, и такъ научилъ людей подобныхъ себѣ, дабы Филиппропа умертвить. Напали на него, мучили, били, терніемъ и копіемъ кололи, но онъ сокрывшись въ нѣдрахъ земныхъ 30 часовъ не только не умеръ, но изъ самой крови своей сдѣлалъ Уранію врачество. Сіе дѣйствіе сходно было съ Іосифовою злою участію, изъ кошпорой Богъ содѣлалъ добро. И такъ естли онъ мѣшалъ свою кровь съ водою, то служила она Уранію очищеніемъ; естли съ муромъ, то укрѣпляла она его силы; естли съ его слезами, то очищала Ураніевы струны. Сіе чудное врачество подобно пшицѣ неяснѣ, коея дѣшей смертельно ненавидишъ змѣй,

и ежели не можешъ на гнѣздо ся всползти, то взлѣзаетъ на близъ стоящее древо, и по вѣтру пуская ядъ свой умерщвляетъ пшеницовъ, копорыхъ неяснѣ нашедъ умершихъ, разпростираетъ надъ ними крылѣ, и бля въ перси носомъ, испочаетъ свою кровь, и пѣмъ оживляетъ. Говоряшъ, что Персы для поклоненія и испробованія помощи опъ своего Митрама (солнца) должны были просидѣшь нѣсколько дней въ подземельной пещерѣ, претерпѣшь зной, холодъ, побои проч. Но то былъ обманъ; а Филантропъ для помощи Ураніевой справедливо все это претерпѣлъ.

И такъ Ураній омываясь сею водою всталъ и принялъ новыя силы и новую почувствовалъ въ душѣ перемѣну. Филантропъ оставилъ его въ гостинницѣ, велѣлъ прилагать объ немъ всевозможное попеченіе; а для большаго вспоможенія оставилъ и сребренники гостиннику. Тогда узналъ Ураній, что сіи-то самые сребренники шли изъ рукъ его Оппа, что ими должно плащись за нанесенную обиду своему родителю, и что агничая кровь предзнаменовала Филантропа.

По совершенномъ исцѣленіи недлячего было Уранію медлить въ чужихъ странахъ; ибо весьма сильно Филантропомъ былъ онъ увѣренъ о полученіи перваго на-
слѣд-

слѣдствѣ своего , которой для путеводства послалъ къ нему нѣсколько своихъ рабовъ ; пришелъ тогда и вожахой , но онъ уже ему былъ не надобенъ .

Не столь поспѣшно бѣжиль елень на водные источники ; не столь радостно исходиль изъ темницы осужденной ; не шакъ ппичка рвешся изъ клѣшки своей : сколь не терпѣливо желалъ Ураній узрѣть отеческой домъ , а паче его возжелѣнное лице , его любезныя обѣщія .

Отецъ видѣлъ уже приближающагося сына , и черпоги изготовленные ему украсилъ паче перваго . Украшеніе сіе видѣлъ С. Іоаннъ . Онъ говорилъ , что былъ то градъ , котораго свѣсило подобно камени драгому , яко камени Іаспису кристаловидну , котораго стѣна весьма великая , имѣла дванадесять вѣровъ , оныя востока , сѣвера , юга и запада по шрое ; стѣна сдѣлана изъ ясписа и золопа , которое подобно чистѣйшему стеклу ; основаніе было изъ сапфира , халкидона , смарагда , сардоникса , хризолита , топазія , аметиста и проч . Каждые врата сдѣланы изъ одного бисера и проч . Ураній съ восхищеніемъ подходилъ къ сему граду , и хотя смущало его прежнее преступленіе , но весьма надѣялся онъ на увѣреніе Филантропа . Едва только приблизился ко вратамъ ; то Отецъ

сѣ

сѣ поспѣшностію исходилъ на встрѣщеніе:
напалъ на выю его и облобызалъ. Обле-
кися, сынъ мой! говорилъ онъ ему, въ сію
пивою прекрасную первую одежду; возьми
сей перстень! иди возлюбленный мой! иди
въ домъ твой! позабуди горести твои! по-
койся въ сихъ преукрашенныхъ чертогахъ
твоихъ! обладай всѣмъ моимъ имѣніемъ.
Будь обрадованъ, будь утѣшенъ, будь
ободренъ, буди на вѣки благополученъ.

СТРАШНЫЙ СУДЪ, ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

*Ipse pater media nimborum in nocte corusca
Fulmina molitur dextra, quo maxima motu
Terra tremit; fugere ferae, & mortalia corda
Per gentes humilus stravit pavor . . .*

Виргилій

Въ Санктпетербургѣ 1777 года

Kirdan

Тогда какъ другіе поютъ щастіе Вельможей, славу побѣдителей, премѣны Имперій и все сіе великолѣпное собраніе человѣческаго могущества : тогда какъ стихотворцы ошечесива моего благороднымъ жаромъ воспламеняясь послѣдуютъ стезямъ Аглинскаго Іроя * и дѣлаютъ себя безсмертными, похваляя его безсмертныя достойныя дѣла : тогда я поснупая даже до конца вѣковъ, и очамъ смертныхъ отверзаю удивительнѣйшее и страшнѣйшее позорище, нежели наши Марсовы поля. Хочу пронзять ушеса ихъ гремящимъ звукомъ той трубы, которая соединитъ племена земныя, онѣ копорыя услышатъ они послѣднія воздыханія издыхающія природы : хочу описатьъ вселенну препещущу и устращенну, землю и небеса разрушенныя, древній скипидръ смерти сокрушенный, нѣдра гробницъ поколеблемы для возвращенія мертвыхъ, и безсмертнаго пришедша судити ихъ, и изрещи слово судное о вѣчной ихъ судьбинѣ.

(*) Герцогъ Малбругъ.

Колеблющъ между страха и веселія ,
 зираю на смѣлое мое намѣреніе , и прене-
 щушъ себя вопрошаю , како такое воображеніе
 могло въ мысль мою вселиться ? Все чпо дне-
 вное и ночное свѣшила зрѣли величайшаго и
 спрашивающаго , есть гораздо меньше моего
 предпріянія . Съ того времени , какъ я его
 учинилъ , не зрю болѣе блистанія , ни велико-
 лѣпія въ престолѣ Англинскомъ , ни въ его
 могуществѣ , и края шара , который я на-
 селяю , суть пѣсны для спиховъ моихъ . Ок-
 ружише мя , да услышите мой гласъ , пою-
 па міровъ разсѣянныхъ во вселенной , и вы
 Ангелы какой бы ни былъ вашъ чинъ , ка-
 кое бы ни было ваше существо , и колико
 бы опдалено ни было ваше жилище , при-
 текиште всѣ на помощь слабому смертному
 я славу превѣчнаго вашего отца пѣти пред-
 приемаю .

Вышній судія всѣхъ естествъ , ты
 предъ коимъ колѣна преклоняюшъ и унижа-
 ются Ангели : естли по первому знаку
 изволенія твоего , всѣ сіи причины , копо-
 рия удивленіе наше привлекаюшъ , всѣ сіи
 блистающія свѣтомъ міры , толпою вышли
 изъ нѣдръ нощи , и изъ пропастей Хаоса
 занимають опредѣленные имъ мѣста въ про-
 странствѣ . Удосной такожде и мя возчув-
 ствоватъ дѣйствія твоего всемогущества ,
 утиши смущеніе чувствъ моихъ , прогони
 мракъ души моея , и настави мя ; дай по-
 мощь силамъ моимъ , и разуму моему крѣ-

посѣть учинишься равну величеству моея
причины.

Человѣкъ возводитъ горѣ очи , и взира-
етъ на красоту вселенныя. Зритъ землю,
и пріятную поверхность ея полей : сей изъ
зелени и цвѣтовъ сочиненный коверъ , ко-
имъ украшается весна, и позлащенные жат-
вы , коими осень ее обогащаетъ. Слышитъ
ревъ древняго океана, зритъ сихъ чудовищъ,
кои движущія въ его нѣдрахъ, и коихъ ужа-
сные пѣла сочиняютъ въ водахъ сильныя пе-
ченія , которыя увлекаютъ безвѣріемъ ос-
пановленные корабли. Зритъ сіи дубровы ,
которыя возвышаются и увѣнчиваютъ верьхи
горъ ; сіи рѣки , служащія границами Им-
перій , и раздѣляющія климаты ; сіи доли-
ны , питающія блистательное сѣмя злата,
и вмѣщающія въ ихъ глубокіхъ изрытыхъ
рудокопами пропастьхъ , щастіе царей и
царствъ ; сіи холмы , возвышающіеся до об-
лаковъ, и творящіе тѣнь своими верьхами на
окружныя поля. Зритъ сіи пространные гра-
ды , многочисленныя воинства , сіе не из-
счисленное число военныхъ кораблей, и въ Ал-
бѣонскомъ проливѣ владычествующую мор-
скую силу , которая даетъ законы Европѣ.
Если ухо твое не можетъ вмѣстити про-
станный слухъ о всей землѣ , зри то въ
краицѣ въ единой Англіи.

Попомъ обрати твой взоръ на чудеса
тверди. О коликое есть разстояніе отъ во-
стока до запада ! око съ трудомъ дости-
а 3

гаетъ

заемѣ до пропывулежащихъ краевъ сего гллубѣющагося пространства ; пространное позорище , въ коемъ вихри могутъ простираться всю свою ярость , и Господь весь свой гнѣвъ. Возри на сіи свѣпила , коихъ огни воспаменяютъ полусѣ , направляють путь годоваго печенія , и освѣщаютъ его времена. Они блистаютъ со времени рожденія вселенныя , ни мало не умаливъ своей ясныи. Зри окончающіяся , и возобновляющіяся ихъ обращенія : о koliko пространенъ ими протекающій кругъ ! о koliko неизмѣримо пространство , въ коемъ шнысаящими спѣсняясь сіи свѣпила обращаются ! Не удивляешься ли ты величеснву всѣхъ сихъ дѣяній ; и твердостн ихъ основаній , не являющихся ли ипечѣ достойны безсмертія ? . . . Однако они всѣ должны погибнуть , и пасть яко падаетъ слабое зерно во время его зрѣлости. Тщепно мы будемъ искать , гдѣ была ипвердь небесная. Не останется ни какого знаку на небеси сего блистающаго собранія созвѣздіи , ни на земли не будетъ никакихъ слѣдовъ Имперій , гдѣ царствовали Стуарты. Время будетъ обращено въ ничто , исчезнетъ вселенная , и въ необъемлемой разумомъ чловѣческимъ пустотѣ , не останется ни единого атома.

Скоро или поздо , въ какое ни есть будущее назначенное время , коего страшное таинство сокрыто въ книгѣ судебъ ; можетъ статься , что послѣ какъ земля де-
сать

сятъ тысящъ разъ возобновитѣ свои жапвы; послѣ какъ всѣ позорища ея поверхнѣности будутѣ имѣти тысящу разныхъ премѣнъ; тогда какъ новыя имперіи изъ древнихъ раззоренныхъ возникнутѣ; тогда какъ другіе бурбоны (еслии люди тому достойны), другіе Анны будутѣ царствовать надъ другими спранами; тогда какъ родъ человѣческій, всегда любящій шумъ и безпокойство на прежнихъ слѣдахъ за двадцать прежде вѣковъ въ разныхъ смущеніяхъ будутѣ упражняться, и не болѣе будутѣ шеперешняго рода помышлять о семъ дни, въ которой земля истребится, въ который солнце померкнетѣ; сей спрашный день придетѣ пробудитесь о міры, пробудитесь; владыки народовъ, внушите и воспрепещите

Густое облако поднимается и закрываетѣ свѣтъ: незапная ночь окружаетѣ всѣ царствія міра: сильныя вѣпры терзаютѣ дубровы, и далеко поломанныя деревья разсѣваютѣ: сіи горы, которыя вѣчными казались, разрушающіяся, и суть колеблемы въ воздухѣ яко и кедры, кои верьхи ихъ покрывали: разверстыя долины, глубокія свои пропасти показуютѣ: возмущенный океанъ во всемъ своемъ пространствѣ реветѣ всѣми своими водами, разбиваетѣ свои преграды, и выливаясь изъ своихъ береговъ повсюду простираетѣся; кровавыя пѣнна разпростираются, и румянымъ цвѣтомъ багратѣ

лице луны : шаръ солнечный въ темнотѣ угасаеиъ ; безпрестанный громъ гремииъ во отдаленѣйшихъ частяхъ воздуха , и продолжительный его ревъ простирается отъ единого до другаго полуосѣ. Въ сей часъ спрашная труба , половиной закрытая въ облакахъ , и половиною видимая очамъ смертныхъ , ужаснымъ повсюду звукомъ возгласиъ : громкѣй ея гласъ проникнеиъ до средопочія земли , и разрушииъ лице міра Живущіе мертвы падумъ а мертвые возбуждаиъ отъ спраха ; ибо никогда толь ужасный звукъ не устрашалъ природу. Нѣиъ , нѣиъ , звукъ военныя трубы , который отъзывался въ небесахъ , когда богъ и сатана сражались въ поляхъ Ефира , когда кидаемыя всесильнымъ молніи бундукцихъ ангеловъ поражали , ни ужасные вихри , испускаемые ими при паденіи ихъ во мрачныя пропасти , не были толь спращны.

Естьли Ангели ниспали , какъ сынаиъ челоѣческимъ не трепешати , и почитати себя безопасными ? Добродѣтель лѣнивому даромъ не дается , но бываетъ за бодростъ продана ; труды , печали и безпрестанныя усилія сущъ нужны , для полученія и сохраненія ея. Прежде снисшестія во гробъ не обрѣтаеиъ совершенное щастіе и спокойствіе ; опасности безпрерывно опасностями наслѣдуютъ : и тако надлежитъ наиъ шокмо искаиъ безокойнаго удовольствія , которое

второе побѣдою приобретається , а не тѣх-
аго веселій мира.

Естьли бы человекъ добровольно по-
корялъ себя своей судьбинѣ , естьли бы во-
шелъ въ предѣлы своего естества , естьлибы
тогда , когда роскошь простираетъ ему
прельстительныя свои длани , когда кра-
сота усмѣшками его призываетъ , когда че-
столкбѣе его искушаетъ , великолѣпно по-
казуя удовольствіе могущества ; естьли бы
тогда душа его пренеслася въ сіе будущее ,
представила бы она себѣ зрѣніе сего спра-
шнаго дни , вообразила бы себѣ звукъ
тоя трубы , и узрѣніе мертвыхъ съ
трепетомъ встающихъ изъ нѣдръ посвя-
щенныхъ вѣчному молчанію гробницъ. Та-
ковыя бы воображенія произвели въ ней толь
глубокія чувствованія , что нѣсть такіа
власти на землѣ , которая бы могла ее по-
колебать въ ея намѣреніяхъ. Возмнивши бы
она уже бытъ сотоварищемъ небесныхъ ду-
ховъ , на весь свѣтъ лишь токмо бы пре-
зрительныя взоры простирала. Тщетно бы
присутственная смерть съ замахнутою ко-
сою , угрожала ее поразить : бывъ вѣрна въ
своей побѣдѣ , желала бы битвы и по вели-
честву опасности , измѣряла величество
своихъ удовольствій.

Преступленія сей послѣдній день стра-
шнымъ учиняютъ. бѣгите отъ грѣха , и
узрите безъ страха продолженія показанія

моего полного изображенія сего великаго приключенія.

Пока змія можетъ вредить, все то, что она имѣетъ въ себѣ прекраснаго и пріятнаго, страхъ нашъ возбуждаетъ, и тогда густой павы, гдѣ она сокрывается, мы ужасаемся; но какъ скоро жало ее вырывается, и она не опасна становится, тогда предъ очами нашими украшается; удивляемся мы свѣтящимся ея очамъ, гладкой и насѣченной ея кожѣ, блистательной ея чешуѣ, извивающемуся ея хоботу, поднимающейся горѣ главѣ ея; и все то, что прежде приводило насъ въ ужесъ, дѣлается пріятно, и отвращеніе наше въ любовь премѣняется.

И тако пріиди моя муза, коей меланхолическій обычай любитъ печальныя и спрашныя позорища; ты, которую толь часто видали спранствующую среди гробницъ, въ темномъ царствѣ ночи; пріиди описать ужесъ сего часа, страшнѣйшаго изъ всѣхъ пѣхъ, каковыя зрѣлъ свѣтъ со времени своего рожденія, въ который страхъ и отчаяніе достигнутъ до ихъ высочайшей степени; начини повѣснговать намъ, какая премѣна учинилась на землѣ, и какія спранныя чувствія поколеблютъ сердце человѣческое.

Какое печальное позорище! Земля прежде щасливая, нѣжно наклонясь на своей оси, величественно обращалась протекая
свои

свой круглообразный путь : тысячи лученосныхъ планетъ безпрестанно обращались во кругъ ее , и яко царскій дворъ ей сочи-няли : на нѣкоторыя была возложена дол-жность содержать пріятныя переѣзды вре-менъ года , и непостоянства осѣни и ве-сны ; другимъ было поручено препровождать ее корабли по неизмѣримому пространству морей ; единого свѣтила сосисяла дол-жность возвышать и унижать поверхность океана ; другому освѣщать ее своими лу-чами было повелѣно , и по переѣздамъ двумъ ея полушаріямъ приносить дань , и злато своихъ лучей. Сей шаръ шлоико любимый небесами , шлоико снабженный милостями Творца , который его соорудилъ жилищемъ веселій и удовольствій , лишенный ро-дительскія любви печально повергнутъ въ темноту и во ужестъ стчаянія , и мрач-ныя ночи. Нѣсть уже болѣе солнца , кото-рое бы блистало надъ нимъ и его освѣщало; болѣе свѣту не видно , окромѣ того , кото-рый происходитъ отъ страшныя молніи , сверкающей въ небесахъ : опровержены и унижены его горы : знаменѣйшія его рѣки изсохли , и поверхность его распоргнутая представляеть безпорядочное смѣшеніе , и безконечную связь развалинъ , и нѣсть ни-чего изъ находящагося подъ пресполломъ Все-держителя , что бы въ безопасности было.

Земля , таковъ есть твой предѣлъ !
Какое утѣшеніе , какое убѣжище дашь ты
вино-

виновному своему властителю? О колико человекъ , сей гордый царь владычества твоего, будетъ униженъ! о колико онъ будетъ проклинать знатный свой видъ , и властительную осанку , которые являются его отличать отъ пресмыкающихся животныхъ! Нынѣ онъ узнаетъ, что червякъ ему равенъ, и такъ же какъ и онъ изъ того же брѣня сотворенъ. Колико болѣзненные спражи будутъ перзати препещущее его сердце! Всемогушій Господи , чего ради тако оставляешь твореніе рукъ твоихъ? О ты, чію въ долгомъ твоёмъ страданіи чувствуешь муки болѣзнь въ трепещущихъ твоихъ жилахъ, и пронизать чувствія свои острымъ ея ядомъ , ты коего смерть ведетъ плѣнна въ темное свое царство , да научишься отъ нее страшныя тайны бѣдности мертвыхъ; ты же Господи, спаситель мой, покрый насъ милостию своею въ сей ужасный часъ.

Вѣроломникъ, измѣнившій своему Государю , чувствуетъ, что не можетъ снести угрожающаго его взора; пораженное страхомъ его сердце къ бѣгству его понуждаетъ: онъ хочетъ выйти изъ своего отечества , и искать во отдаленныхъ странахъ себѣ убѣжища , которое бы сокрыло его отъ мщенія: но скорыя повелѣнія его упреждаютъ: строгій указъ заворяетъ ему моря и заключаетъ въ его отечествѣ: врага, коимъ искалъ своего спасенія , его отъ себя
отража-

отражаютъ подѣ остріе мстительнаго меча. Подобно сему людѣ будутъ бѣгатьъ отъ востока къ западу , отъ полуса къ экватору, тщетно ища убѣжища себѣ , которое бы сокрыло ихъ отъ гнѣва Бога мстящаго. Пожелаютъ да окружитъ ихъ пламень , да покроютъ ихъ моря, да сокроютъ ихъ въ нѣдрахъ своихъ горы каменны. Моря извергнутъ изъ нѣдръ своихъ виновныхъ , и возвратятъ на казнь : каменные пещеры лишь будутъ ихъ пещеры , въ которыхъ заключатся до часу ихъ наказанія.

Честолюбіе , показуй мнѣ все великолѣпіе величества твоего; богатство предложи мнѣ всѣ сокровища Индіи ; виноградныя лозы, опягощенныя пріятными плодами, хвалище мнѣ сладость своего нектара , красота представъ мнѣ всѣ твои привлекающія пріятности. Я все сіе презираю , когда желаніе безсмертныхъ благъ возбуждается въ душѣ моей , и когда на крылѣхъ восхищенія несомъ , восходитъ на небеса , яко Ілія на своей огненной колесницѣ ! Слышатъ не шокмо со страхомъ , но съ усмѣшкою угрозы смерти , съ неперпнѣемъ ожидать часъ собственнаго своего разрушенія , чувствоватъ удовольствіе видя разсыпаться прахъ собственнаго своего ибѣла , и пріятнымъ веселіемъ бытьъ обьяну при приближеніи ко гробу : вѣра се есть твоя побѣда : ты все есть на землѣ , прочее же ничто ; и я не зрю иного во вселенной , какъ шокмо душу мою и бога.

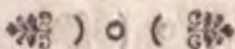
О душе моя , поклоняйся безпрестанно сему богу , коего всѣ швари почитаютъ. Послѣдую ли пѣмъ законамъ , которые онѣ имѣ предписалъ , или удаляясь , ему единому повинуются. По его повелѣнїямъ пламя пожирающую свою ярость укрощаетъ , и жидкія волны въ пѣла швердыя превращаются , чудовища , заражающія моря , сіи чудовища алчныя къ крови , которыя столько жадны на погубленіе другихъ животныхъ , укрощаются по первымъ знакамъ его велѣнїя , смяхаютъ дикое свое свойство , и защитники удивленнаго человѣка становятся. Тебя я о Іона въ свидѣтельство призываю , тебя пребывшаго три дни погребенна въ глубокихъ нѣдрахъ страшнаго кнѣа , тогда когда ночь тебя всею ужестію своею окружала , и волнами ярившійся океанъ ревѣлъ по-верхъ главы швоей.

Гремитъ громъ , сверкаютъ молніи , всѣ вѣтры отъ узъ ихъ разрѣшенные , яростны сражаются на поверхности морской : пенющіяся волны до облакъ воздымаемыя дно морскихъ пропастей открываютъ : ужъ смертъ прибѣгшая , очевидно является , устрашеннымъ плавателямъ , и сіи трепещущее око обращая на прежнія свои дѣла , лишаются всяя бодрости , неподвижны и безгласны отъ страха становятся , и душа ихъ поражена ужаснымъ и глубокимъ опечаленіемъ. Но ни слезы , ни молитвы ярость бури утишить не могутъ. Корабль , бывъ опягощенъ сокровищами ,

вищами , повергають ихъ въ море , и отдають въ корысть раздраженнымъ волнамъ. Увы ! хотя бы сія жертва могла искупить ихъ жизнь ! однако между симъ буря усиливается , и корабль уже уношается . . . Спрахъ смерти всю жалость прогоняетъ , для спасенія своего хватають пророка и ввергаютъ его въ море. Онъ снисходитъ ко дну пропастей морскихъ : вода надъ главою его смыкается , и сталъ онъ почитаемъ въ числѣ мертвыхъ.

Онъ живъ : обладатель міра милосердый взоръ на раба своего обращаетъ , и проситъ всемогущую свою длань для спасенія его. Повелѣваетъ бурѣ утихнуть , и водѣ ошверзнуть шихія своя нѣдра смертному , котораго онъ защищаетъ , и нести его мягко объята своими волнами ; и укрощаетъ чудовищъ , плавающихъ въ безднѣ : чудовища съ почтеніемъ удаляются , забываютъ свою ярость при зрѣніи корысти ихъ , взирающихъ тихо и безъ злобы на сего новаго гостя , и вокругъ его невинно играютъ.

Но се новое чудо , гласъ владыки всея природы проникаетъ во глубину морей : великій Легионъ , тебя онъ призываетъ : сія спрашная тварь преклоняетъ въ молчаніи ухо , и внушаетъ гласъ владыки своего : веселье блискаетъ въ очахъ его , и тѣло его скачетъ по волнамъ , и приводитъ ихъ въ тоlikое движеніе , яко бы сильная буря : плыветъ , песокъ со дна пронутый , чернившъ
и

и смущаетъ воду : и раздѣляемыя волны
обращаются назадъ струями до береговъ.

Чудовище , отверзаетъ ужасныя свои
челюсти , и открываетъ толь простран-
ную пропасть , каковыя видны на поверхно-
сти растерзанная земли , когда въ нѣдрахъ
ее заключенный воздухъ усиливается про-
тивъ ея трясуція поверхности , и отвер-
заетъ себѣ пространный изходъ. Пророкъ
со ужасомъ взираетъ на мрачную сію гла-
бину , пространную окружность сего зѣва ,
и острые ряды ужасныхъ зубовъ его обозрѣ-
ваетъ. На конецъ вселяется въ страшное
сіе убіище , и плыветъ безопасно въ семъ
одушевленномъ кораблѣ.

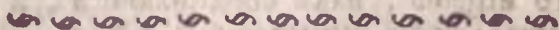
Единый онъ изъ смертныхъ чувствовалъ
недовѣдомое никому иному удовольствіе , пре-
бывая самъ подъ волнами , безъ опасности слы-
шать шумящіе вѣтры , пребывать неподвиж-
нымъ на верху сихъ жидкихъ горъ , и попомъ
спускаться въ такія воды , которыя бывъ оп-
далены отъ ярости бурь , всегда спокойны и не
подвижны пребывають. Единъ онъ проникъ
до подземныхъ основаній , на коихъ утвер-
ждаются холмы океана , и въ мрачныя пе-
щеры наклоненныхъ его камней. Духъ его
въ немъ пребывалъ въ тѣхъ мѣстахъ , ко-
торыя никогда измѣримы не бывали , и жи-
вой странствовалъ онъ въ пустынной Им-
періи смерти.

Два дни и двѣ ночи сію чудесную
жизнь онъ препровождалъ , странствуя по
средѣ

средѣ густыхъ дубровъ коралей , и по сре-
дѣ незнаемыхъ переплетенныхъ путей ме-
жду камней и песковъ. Но лишь только
лучи зари позлащили холмы , и по-
сребрили волны , царь морей поднимается
на поверхность водъ , и тихо полагаясь на
брегъ слабого , но священнаго гостя , ко-
тороу ему превѣчный вѣбриль , да здорово
его возвратитъ.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Ожидаемъ , что мертвые встанутъ изъ
праха . и что мы будемъ бессмертны ,
яко боги.

Фон.

Нынѣ человекъ пробуждается , востаетъ
съ молчаливаго своего ложа , на коемъ
въ теченіи многихъ вѣковъ покоился ; ош-
рясаетъ сонъ десяти тысячелѣтнія нощи ,
и идетъ по брегамъ новаго міра. Не та-
кова есть моя муза , что бы ей сократить-
ся пѣтъ пастырей и монарховъ , она рдеетъ
быстрому своему восхищенію , и осмѣ-

ливається вступити в просторну вчашу. Причина моя вселеную вміщує, і піснь моя касається до всего рода людського.

Вторично труба возглашує ! Ся знак всеобщаго зібрання всьох імѣючих духъ живоїтний і пварей. Поле гдѣ длажны всѣ земныя племена збираються, і згоптовлено сильними вихрями, повергаючими і уносящими в пропасти града, лѣса і горы і неосипавляючими інаго окрім неізмѣримаго і гладкаго пространства.

Уже разверзаються гробниці, і залогъ свой возвращають, прахъ оживотворяється, кости і разные члени движуться, єдинъ другаго ищеть, паки соединяються, і цѣлы составляютъ безсмертныя ішѣла.

Тогда какъ покоренная вселенная преклоняла главу свою подъ законы гордаго Рима, Римъ повинувался Помпею. Єдиний день потєрянний былъ причина погибели сего власнителя земли, і учинилъ его причиною преврѣня, і жалости предъ очами самаго его врага. Онъ былъ жертвою падшею отъ ударовъ ізмѣнника, кровь его обагрила ножъ подлаго убійца, і безъ наказанія пролилася. О єстьли бы онъ по крайней мѣрѣ испустилъ великую свою душу по средѣ ужастей бою ! Єстьли бы смутные вопли умираючихъ смѣшенныє со звукомъ военныхъ трубъ, сошествовали съ послѣдними воздыханіями іроа, і здѣлали бы почессть его

его кончинѣ ! но онѣ погибѣ безѣ славы , и безѣ мщенія ; тогда какѣ Цесарѣ обраща- етѣ суровый взорѣ на того изверга , ко- того окровавленная рука , подавая ему гла- ву его соперника , вручала ему владычество вселенныя , трупѣ того окровавленнѣй пребыва- валѣ оставленный на берегу . Сія глава и сей трупѣ безобразный паки соединятѣся , какое бы ни было пространство царствѣ и морей , копорые ихѣ раздѣляютѣ . Не останется ни единого атома на землѣ , ни вѣ пространствѣ воздуха , копорый бы отѣ сего всемогущаго повелѣнія не оживился , и не возобновилѣ бы движеніе и жизнь .

Тако вѣ лѣпнѣй день , видѣнѣ рой шу- мящихѣ пчелѣ , единая схватяся за другую вѣ воздухѣ играть , немогши остановитѣ свое непостоянство ; но когда бречащая мѣдѣ зачнетѣ отзыватьсѣ , тогда звукомѣ симѣ прельстятѣся , странствованіе свое пре- кращаютѣ , клубкомѣ свиваются на бли- жайшемѣ древѣ , и пріятно повисаютѣ на его вѣтвяхѣ .

Тогда какѣ тѣла возобновятѣся , душа , которая можетѣ статьсѣ странствовала во кругѣ полуса , или удивленная путешество- вала среди пламенящихся свѣтилѣ , или не отступала отѣ того мѣста , гдѣ опочива- етѣ ее тѣло , или гуляла уже на грани- цахѣ вѣчнаго своего жилища , поколеблема страхомѣ и желаніемѣ во ожданіи своей судьбины , душа тогда вѣрна своему сое-

дененно, возвратився сопрягнутися со обезсмертвленными своимъ прахомъ, и соединився съ нимъ ипакъ, что бы во вѣки уже не разлучаться. Она уже не страшится, что бѣ ипакъ какъ прежде жизнь ея отъ неубѣгала; ибо уже не есть сославъ скудельный и слабый; новые ее члены, которые время не можетъ истребить, будучь отъ сего времени на вѣчность движениамъ ея способствовать.

Подобнымъ образомъ отъ разума строителя скудельное изображеніе получаетъ мимолетающій видъ зданія имъ вымышленнаго; прежде нежели сіе первое начертаніе увеличившись учинится великолѣпнымъ домомъ, коего столпы изъ крѣпкаго дубу и жестокаго мрамору возвышенныя, утверждають основаніе; прежде нежели желѣзо и мѣдь сильными ихъ узами сопрягнувъ вмѣстѣ все сіе зданіе, обѣщая его защищать отъ вреда каковой печеніе многихъ вѣковъ причинитъ ему можетъ.

Нынѣ сіе древнее и священное зданіе, сей славный сводъ, подъ копорый скоро или поздно опнесутся изъ нѣдръ двора, или съ полей побоища всѣ Аглинскіе ирои; какое бы ни было ихъ величество, ихъ мудрость или ихъ добродѣтель, но здѣсь они жертвою червей учинятся; сіе торжественное жилище увѣнчаныхъ мертвецовъ, гдѣ подданные ногами своими попирають монарховъ ~~и очивающихъ~~ подъ помостіемъ, узришь много-

многочисленное собраніе царей , и ироевъ
возникнуть изъ среди его , и наполнить
проспирную его окружность. Но іадѣсъ
уже не мечъ побѣдоносные вѣнцы и скип-
тры приобретаемъ , но добродѣтель ; и
потѣ изъ смертныхъ , кто добродѣтельнѣе
былъ , величественнѣе воскресенъ

И не токмо изъ мѣстъ погребатель-
ныхъ , и изъ нѣдръ гробницъ , выйдеть тол-
па рода человѣческаго ; но изъ самой сре-
дины основаніи , на которыхъ великолѣп-
ныя наши дома утверждаются , изъ всѣхъ
сихъ пріятныхъ мѣстъ забавамъ нашимъ и
веселіямъ посвященныхъ , восстанеть мно-
гочисленный народъ нашихъ предковъ , коихъ
попираемые ногами кости были основаніемъ
сластолюбія ихъ потомковъ. Нѣсть точки
на шарѣ земномъ , гдѣ бѣ не было гробницы ,
и песокъ , сочиняющій дно морское , покрытъ
трупами. Все наполнено , все покрыто
развалинами человѣческаго естества , и въ
сей спранный день повсюду узрятъ родъ
человѣческій вступающій и выходящій толпа-
ми изъ своихъ пламенящихся гробовъ.

Но не всѣ встануть въ единое время ,
и не всѣ при встаніи своемъ одинакія чув-
ствіи будутъ имѣть. Нѣкоторые съ рас-
каяніемъ отверзая свое око , будутъ устраще-
ны свѣтлостію дня , по гробницамъ сво-
имъ почувствуютъ сожалѣніе , и возжела-
ютъ въ прежнюю мрачность ночи погрузи-
ться. Другія , коихъ долговременно ис-

пытанная добродѣтель , и всегда бывъ непоколебима , побѣдила пороки и сильные удары страстей , коихъ постоянная воля не уступила прельстительнымъ обманомъ роскоши , ниже преклонилась предъ угрозами мучителей , безъ трепету возрявъ на сей ужасный день , и являяся яко боги неподверженные къ пронаенію посредеъ ужасныхъ и умноженныхъ молній ; ни падающія звѣзды , ни прясущаяся на основаніяхъ своихъ земля не поколеблютъ спокойствія ихъ души . Сіи съ спокойнымъ духомъ узрятъ разущающуюся землю , падающія небеса , опровергающіяся бездны , и все естество на разореніе вооруженное ; сіи благословятъ денницу сего превѣчнаго дня , и съ трудомъ лишь потерпѣвъ продолженіе , уповдывающее ихъ блаженство .

Здѣ величество унижено , сила ослаблена , нищій торжествуетъ , красота сама себя ужасается , и лице свое сокрываетъ . Христиане , Евреи , Магометане и язычники , всѣ безъ разбору смѣшаны въ единое стадо , и мѣжатъ спастись такіе люди , кои по бесновѣрному усердію вооружались для утвержденія своихъ мнѣній , и кои опъ взаимственно другъ другу налагаемыхъ ранъ въ ненависти жизнь свою скончали , друзьями возстаютъ , и схватившись руками идутъ предъ общаго Творца своего предстать , просишь его о одинаковомъ блаженствѣ .

Но чистая надежда , и непорочное веселье особливо будутъ для благодѣшелей рода человѣческаго. И кто суть сіи , коихъ я вижу особливо блистающихъ въ сей величественной толпѣ? Пади на землю муза, и признай мѣстоимъ воздаждь людямъ добродѣтельнымъ дань прѣсого почтенія , за дары коими ты гордишься ; ты ими еси одолжена. Виламъ , Фоксѣ , Киклей , я вамъ поклоняюсь почтенные имена , коихъ слава будетъ блистать въ наиподаленнѣйшія вѣки. Я первые звуки лиры моя прѣпещущими своими перстами извлекалъ , подвѣшнью древесъ руками вашими насажденныхъ , и вѣлѣ шѣхъ хрускалю подобныхъ кладязей , которые вами ископаны были. Слава ваша состояла учинить себѣ одолженными владыкъ опечеснѣва моего , шѣмъ что пріобрѣтали блаженство ихъ народовъ. Нынѣ возстаете безсмертны въ щасливѣйшую жизнь.

И я пребывъ многіе лѣта менѣе нежели червякъ , атомъ или шѣнь , не ложно то есть , буду жить тогда , когда всѣ сіи свѣтила угаснутъ ? переживу землю , которая тогда въ ничто будетъ обращена , и Ангеламъ уподоблюся. Предстоя престолу всевышняго , узрю волею его рождающіеся новые мѣры , въ коихъ можешь спать будучи рассказывать о приключеніяхъ рода человѣческаго.

Но прежде нежели начнетъ сіе блаженство , прежде нежели душа возвысится до

сихъ вѣчныхъ селеній , среди блистаній мол-
ни снзойдеиъ Судія , и всѣ роды человѣ-
ческіе предшануиъ предъ его судище.

Предп. землю описать сіе смѣлсе изобра-
женіе , Великая Государыня ! которой я по-
винуюсь , преклони ко вниманію ухо Твое ,
не способнъ я употребляиъ помощь искус-
ства для плѣненія вниманія и поколебанія сер-
децъ ; бѣгине далеко отсюда всѣ вымы-
слы, и всѣ сіи чудесныя избрѣшенныя вещи,
приводящія мысль во удивленіе. зри , если
сей богъ снисходящій , есть бгъ баснослов-
ный : онъ есть истинный богъ : при прибли-
женіи коего неисчетное число міровъ пре-
бываютъ въ молчаніи и во ожиданіи

Зри просиранное вмѣстѣ илище позорища ,
гдѣ весь родъ человѣческій услышииъ суд-
ное себѣ слово : оно окружено безсмертны-
ми духами хранящими его. Разные роды
приходяиъ яко волны зашѣваться въ семъ
неизмѣримомъ полѣ. Всѣ вѣки , всѣ импе-
ріи свѣта изливають тудѣ своихъ жителей:
не оставяся болѣе и слѣдовъ сей цѣпи вѣ-
ковъ раздѣляющихъ времена рожденія мо-
нархій. Невродъ и бурбонъ въ толпѣ смѣ-
шиваются , и Адамъ зрииъ предъ собою по-
слѣднероднаго изъ своихъ потомковъ.

О коль щедры наука и искусство ,
когда они къ подкрѣпленію добродѣтели не
служатъ ! Колико потерянѣ времени , ко-
лико книгъ учеными сочинено для утвер-
жденія дня рожденія иродъ , и для исчисле-
ннѣ

нїа его потомства ! Коликую же радость и коликое удовольствїе дожны они почувствовать , когда послѣдшїе знашнхъ людей первыхъ вѣковъ свѣта , откроемся ихъ очамъ ? увы , всѣ сіи ученые будутъ тогда важнѣйшею причиною упражнены , и еслили самъ Цесарь пройдетъ предъ ними , очи не помысливъ поднять очи , чїю бы на него взглянуть.

Какое многочисленное стеченіе , волны разбивающіяся оббонизывающіеся бѣга , прысущіе я листовіе въ поколеблемыхъ вѣтромъ лѣсахъ , звѣзды блискающія въ небесахъ не суть столько многочисленны. Всѣ сіи страшныя воинства , коихъ присутствіе въ прахъ Имперїи повергало , и оцѣ коихъ другіе рождались , и коихъ задніе полки еще шествовали во время ночнаго мраку , когда передніе уже на мѣстѣ побоища при свѣтлости зари сражались : сей народъ воиновъ , которыхъ могущій Ксерсъ влекъ за себѣ ; всѣ воины , которые въ Капуанскихъ поляхъ сражались , шутъ гдѣ побѣдоносный Римъ принужденъ былъ уступить побѣду Картагенѣ , и толь глубокую почувствовалъ язву , чїю бы другая подобная сей язва , пресѣкла бѣгъ его судьбъ , и лишила бы свѣтъ четвертой монархіи ; всѣ сіи и еще шѣ , которые наполняли славные блейнгеймскія и Римвиліискія поля , будутъ въ семъ мѣстѣ обрѣтаться , коихъ толпа сокроется и учинится нечувствительной въ толпѣ всѣхъ людей представ-

ставшихъ туть , такъ какъ единая волна
теряется въ неизмѣримомъ Океанѣ.

„Сыны человѣческіе изготовятся къ суд-
бищу, вопіетъ гласъ, воздухъ ударяющій.
Земля вновь потрясается, и слышу адскія
пещеры опывающіяся во глубочайшахъ про-
пастяхъ своихъ.

О ты, кто бы ни былъ, бывшій силь-
ный единовластитель на земли, родившій-
ся подъ наищаспливѣйшею звѣздою, ни когда
не препоясующій мечъ свой съ безщасли-
вымъ успѣхомъ, который соединялъ великое
число царствъ подъ свою державу; ты, ко-
торый во дни твоихъ торжествъ изглаго-
лывалъ, да царствуешь, еспли хочешь все-
сильный на небесахъ; сія вселенна еспль моя
держава; трепещи въ сей часъ, возведи свои
очи . . . О муза моя, какое смущеніе
тебя колеблетъ! какія числа, какую мѣ-
ру стихамъ своимъ ты изберешь.

Вдругъ червленныя волны воспламеня-
ютъ небеса; въ слѣдующее же мгновеніе
сія огненная завѣса отверзается, и показу-
етъ во опдаленіи сего бога, который бывъ
невидимъ владычествуетъ надъ мірами.
Оттуда онъ управляетъ природу, еди-
нымъ своимъ взглядомъ проникаетъ, и объ-
емлетъ всѣ свои дѣянія, сотворяетъ, со-
храняетъ и разрушаетъ все: изъ сей отда-
ленности зрѣтъ насъ яко червей пресмыкаю-
щихся по сему среди воздуха висящему
шару.

Изъ

Изъ глубины сего священнаго мѣста
врю исходяща сына превѣчнаго. Небеса !
Какія источники блиспанія ударяющѣ и ос-
лѣпляющѣ мои очи ! Онъ несомѣ на плава-
ющемъ на облакахъ престолѣ ; величественъ
его видъ , яко былъ въ то мгновеніе , когда
вселенну сотворилъ , и страшенъ яко въ
потѣ часъ , когда бунующаго ангѣла во
адскія пропасти низвергнулъ съ небеси. Изъ
звѣздъ сотканный поясъ окружающѣ его бе-
дра : ношѣ на ресницахъ его почивающѣ , и
лице его имѣющѣ блиспаніе зарницы. Если
ли онъ обращаетъ на человѣка тихій и ми-
лосердый взоръ , тогда человѣкъ ожидаетъ
или получаетъ блаженство : но когда пла-
меняющіеся его очи огонь гнѣва его испуска-
ющѣ , тогда злощастіе и гибель насъ по-
стигаетъ. Въ шуицѣ своей онъ держитъ
блиспательную книгу всевѣденія ; а де-
сницею своею потрясаетъ пламенящейся
мечъ своего правосудія.

Въ такомъ видѣ приближается по небе-
сному пространству среди громовъ и мол-
ній , властитель надъ живнѣю и смертѣю ,
полки ангеловъ , уставленные блиспатель-
ными рядами ему предшесствуютъ , и чуде-
снымъ согласіемъ славу его воспѣваютъ. Сниз-
шедъ до вышны звѣздъ останавливается :
тутъ всѣ собранные облака поднимаются и
въ круглостъ собираются , на подобіе дву-
столповъ златомъ и багрянцею испещрен-
ныхъ. Единный утверждаетъ на землѣ ,
другой

другой становится на водахъ , и поднимающиеся отъ тягости сея волны оббливаютъ своею пѣною его пространное основание. Они поддерживаютъ сѣдалище на коемъ сидитъ Господь , судити вселенную. Превыше сего хрустального свода видимы разбѣ- вающіеся завѣсы чистѣйшія небесныя голубосни , и яко играя во кругъ столповъ сихъ обвиваются. Смерть во узы заключенная подъ симъ судьбищемъ сидитъ на остаткахъ разрушеннаго своего меча.

Се здѣ превѣчный Судія взошедъ на свой престолъ , является во всей славѣ божества : одежда испещрена чудно устпавленными лученосными звѣздами ; и блистающій шапъ солнца горитъ подъ его снопамн.

Тогда лученосный Архангелъ , развертываетъ сѣ серебрянаго древка знаменіе вѣры , которое разбѣваясь закрываетъ и открываетъ половину небснаго пространства.

О спрашная слава , которой великолѣпне очн виновнаго перзаешъ ! Остановись , неосторожная муза , не открывай ужасныя мысли , которыя въ сердцахъ превратныхъ рождаются. Спрашуся изрещи , что они желаютъ , дабы все сіе видѣніе единственно было сонъ , что бѣ души ихъ погибли сѣ ихъ пѣлами , и что бы богъ былъ лишенъ владычества надъ вселенною. Изглаголь лучше , естли тебѣ извѣстно , какими способами можно достигнуть , что бѣ почувствовать неудобъ изречимую радость , зря сіе странное

ное позорище ; для сего единый способъ есть искреннее раскаяніе строгія совѣсти , не умѣющей себѣ прощать свои пороки ? Нѣсть ли другаго способу окромѣ слезъ раскаянія , трудовъ , бдѣнія , и святаго насилія молитвою ? Тако въ сей часъ , возбужденъ усердіемъ неизвѣстнымъ прежде душѣ моей , сердце мое къ снопамъ превѣчнаго полагаю , посвящаю его ему въ семъ великолѣпномъ храмѣ , коего небеса сочиняютъ окруженіе , и который еще не довольно пространенъ для величества живущаго въ немъ.

О пы , коего вѣсы извѣшиваютъ горы , коего дыханіе можетъ премѣнить водный Океанъ во Океанъ пламенный , и влажные его волны въ волны горящія ; слабѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ , препещущій , преклоняя колѣна припадаетъ къ твоимъ снопамъ , и милосердія твоего проситъ . Повели , да вѣтры унесутъ и погребутъ мои грѣхи , и все прошедшее въ безднахъ забвенія . Учини , да ежечасно я буду зрѣть твое могущество и мою слабость , и вся бы душа моя тебѣ была посвящена . Царствуй надъ волею моею , возбуждай и успокоивай по изволенію твоему мои страсти . Естьли когда почувствую воспаленіе гнѣва , учини да злоба моя падетъ на мои пороки . Учини , да сердце мое воспламенится желаніемъ помогать несчастному , и подвѣять тягости бремени утѣсняющаго его душу . Учини ,
чтобъ

чтобъ книга, въ которой премудрость твоя начерпала твои наставленія, всегда бы предъ очами моими отверста была, и разумъ бы мой ни когда не уставалъ чипати въ ней. Кто есть сей, который ежегодно весну цвѣтами, яко младую пастушку украшаетъ, и повелѣваетъ лѣту пріити послѣ яко невѣстѣ выходящей отъ брачнаго ея ложа? Кто есть сей, который производитъ плоды во время осѣни, и даетъ власнѣ зимѣ лишить поля ея украшеній? Нѣсть се, нѣсть власпитель Имперіи Османской, ни Царь сѣверный, иже есть болѣе того, ни сія Царица, которая изъ нѣдръ нашего острова даетъ миръ или войну Европѣ.

О колико зрѣніе природы возобновляютъ въ душѣ моей на памятованіе ея Творца? Внушаю ли я ревнѣіе Океана, или гремяніе грома, о колико чувствую я полезный страхъ, возбуждающій я въ моемъ сердцѣ отъ страху его мщенія! Когда же зрю землю украшающуюся цвѣтами, или звѣзды блистающія свѣтомъ, о душа моя, никогда не забывай воздать ему благодарности.

Во всѣхъ разныхъ поемненіяхъ жизни, средѣ веселій изобиліе или огорченій нищеты, да будетъ слава твоя послѣдній предѣлъ моихъ мыслей, и конецъ моихъ дѣяній. Военный ли мечъ блистаетъ въ нашихъ дланяхъ; или въ мѣрномъ покоѣ воссѣваемъ подѣшную вѣписныхъ нашихъ виноградовъ, тебѣ единому должна принадлежать

длежать слава нашихъ побѣдъ, и благодар-
ность богатыхъ нашихъ жанивъ ; ты еси
сей, коего властію созрѣваю юб или увяда-
ю ю виноградные киспи , волею твоею на-
прягается лукъ и излѣпаютъ стрѣлы , и
ею побѣдоносныя наши воинства переходятъ
пространныя моря , и скиптръ съвера на-
шей Царицѣ Албѣонской вручаютъ.

Да воспавая вмѣстѣ съ денницею съ ло-
жа моего, начну молитвою тебѣ и посвящу
ти рождающійся день : и да воспрянувъ ду-
ша моя отъ сна воспоемъ хвалу твоею , и
по степенямъ да возвысится къ небесамъ
купно со освящающимъ насъ свѣтиломъ ; и
что по мѣрѣ какъ оно протекаетъ пламеня-
щійся свой кругъ , да сердце мое воспламе-
няется огнемъ твоея любви , и да колѣно
преклоненія моя не окончатся , и тогда ко-
гда оно отъ глазъ нашихъ сокрывается.

Позволь да и ноцъ мнѣ величество твое
показуетъ , когда она распростираетъ ве-
ликолѣпную и мрачную свою завѣсу , за-
крывающую свѣтъ ; когда молчаливые ея
свѣтила восходя надъ главы наши , прела-
гаютъ душѣ тихую свѣтлость, и въ блѣд-
нѣйшемъ свѣтѣ природу намъ показываютъ.
О koliko тогда смущеніе воображеній ути-
шается ! О koliko тогда смяченная ду-
ша чувствуетъ себя пронзенную пріятными
движеніями добродѣтели ! Коль великое и
п. іянное сіе упражненіе есть слѣдовать пе-
ченію сего звѣздоноснаго свода , и дости-
гнуть

гнушь даже до жилища влaстителя дня ,
удивляться оклужающему его величеству ,
изгноиваясь милости его получить , и
сб сей высоты обращать свой взоръ на по-
груженную въ сонъ в еленну .

Не сей ли ты , иже можешь разрушить
основанія вселенныя ? да употребится днесь
могущество твое , бунтующую мою волю
обуздать . Ты , иже можешь обуздать ярость
волнъ , утишь восхищенія и смущенія мо-
ихъ чувствъ ; научи мя пославлять всегда
равную твердость противу прелесней за-
бавъ , и ударовъ нещастія . Ты еси все-
гдашняя причина желаній моихъ ; сохрани
въ сердцѣ моемъ священный огонь вѣры ; со-
держи его надеждою , и да достигнешь оно
получить цѣну , которую рука твоя сокры-
ла въ нѣдрахъ вѣчности . Учини да въ вели-
кій день воздаянія , узрю безъ страха от-
верзающуюся запечатлѣнную книгу , и да
бывъ вознесенъ въ жилище блаженства , со-
общу со Ангельскимъ ликомъ благодар-
ственный свой гласъ .

СТРАШНЫЙ СУДЪ

ГОСПОДИНА ЮНГА,

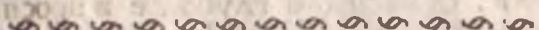
съ перевода

Г. АББАТА АЛБЕРТИ

**съ Аглинскаго на Италіанскій
языкъ.**

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Esse quoque in fatis reminiscitur affore tempus
Quo mare, quo tellus, correptaque regia Cœli
Ardeat, et mundi moles operosa laboret.

OVID, *met.*

Отверстие книги судебъ , блистательное жилище Ангеловъ и добродѣтельныхъ чловѣкъ ; ужасный рокъ грѣшниковъ , и страшное жилище мученій и золъ , днесъ пѣпи начинаю. Сіи суть послѣднія и величайшія усилія моея музы. Се нынѣ случай, которымъ должна она возвыситься до высочайшія степени своея славы , или на всегда во мракѣ забвенія оспаться. Но она возбуждается , воспаменяется , бывъ близъ края своего печенія , и возносится превыше

в

ше

ше звѣздистаго полуса. Въ быстромъ своемъ печеніи она зришь вселенну уменьшающуюся, солнце удаляющееся и затмѣвающееся предъ нею. Око ея пораженное новою свѣтлостію небесъ, съ трудомъ сноситъ сіе блистаніе; слышишь радостныя пѣсни Архангеловъ, коихъ цѣлая природа повторяетъ и продолжаетъ звуки.

Се десятъ тысячъ трубъ вмѣстѣ вострубили: се настало глубокое и пространное молчаніе. Ангели и человѣки пребываютъ нѣмы и не подвижны. Надъ ними возвышенный спрашный судія, вокругъ себя взоръ свой обращаетъ, и небеса величествомъ славы его исполняются; тогда онъ возлагаетъ длань на спрашную книгу, держимую стоящими предъ нимъ Серафимами: и въ тотъ часъ, какъ отверзаетъ печать, слышно всеобщее степеніе. О душа моя! со благими ли ты будешь.

Онъ повелѣваетъ, и толпа человѣкъ быстро въ двѣ часпи раздѣляется. Зри ошуюю коликое опчаяніе и какая ужасная блѣдность видъ образа ихъ разрушаетъ: тупъ естъ нѣчто спрашнѣе, нежели самая смерть начертанная на трясущихся ихъ членахъ. Зри съ кокимъ огорченіемъ, съ кокимъ трепетаніемъ страха въ груди свои ударяютъ и отвращаютъ взоръ свой. Очи ихъ, непорядочно движущіяся, и страшно обращающіяся, открываютъ внутреннія мученія

ніа души ихъ : горесѣ ихъ видна въ ка-
ждомъ ихъ пѣлодвиженіи , и въ каждомъ
взглядѣ ; и часто они вздохи извѣвляющіа
ихъ опчаяніе испускаютъ. Чишатель! есѣ-
ли ты еси грѣшникъ , избавь мою музу
сего печальнаго изображенія : ты въ сердцѣ
своемъ его обрѣщешь.

Есѣли бы ты узрѣлъ твоего роди-
теля , брата , сѣю супругу , которая тебѣ
была толь любезна , и всѣхъ соповарищей
твоеа жизни , копорые участвовали съ то-
бою во всѣхъ твоихъ дѣлахъ , и имѣли еди-
ныа желанія и единое сердце съ тобою , на-
всегда отъ тебя оплученныхъ , а ты бы еди-
ный въ несчастіи опавался ; увы ! какой до-
стойной опчаянія сей случай для тебя былъ
бы ! Чего бы ты не далъ тогда , что бы еще
имѣлъ единый день жизни , единый изъ сѣхъ
часовъ , единую изъ сѣхъ минутъ , дабы по
возвратитъ и копорая со временемъ протекла ?
Нѣтъ , надѣйся возмочь опвратитъ приливъ
Океана , оппановитъ вихоръ , и солнце въ его
печеніи ; но не надѣйся возвратитъ сеа ми-
нушы.

Возри на десную спрану , коль прѣп-
мыа лица ! О коль образъ Творца живо въ
ихъ омладѣвшихъ чертахъ изображается ,
коль очѣ ихъ блестятъ безсмертною свѣтло-
стію ! Колько побѣдоносный есѣ ихъ видъ !
Благородные и гордые ихъ взгляды осмѣли-
ваются прямо обращать на сѣдалищѣ су-
дебное , идѣже сидитъ спрашный судія , и

зрѣнь грозные взоры его гнѣва. О слава праведныхъ ! Сїи ли супь шѣ человѣческіе виды , которые въ прахъ были превращены ? но еще видно на ихъ лицахъ нѣкоторые легкіе знаки смущенія и страха , уменьшающіе ихъ радость.

Тако юная дѣва , когда священникъ приближается , да соединитъ ее со обрученнымъ ей , взираетъ еще на свое щастіе , спокойнымъ и смутнымъ окомъ : сердце внутри груди ея трепещетъ ; не подлинность , и множество разныхъ мыслей ее въ смущеніи содержатъ. Беспокойство и веселіе смѣшиваются на румяныхъ ея ланитахъ : она трепещетъ отъ страха , чѣмъ какое нечаянное приключеніе не лишило ее щастія , которое блиско ей наступитъ , и не премѣнило бы въ жестокою печаль пріятную ея надежду.

Се нынѣ родъ Адамовъ отъ перваго до послѣдняго изъ его сыновъ , есмь соединенъ въ двѣ разныя части , безъ всякаго другаго отличія , окромѣ грѣха и добродѣтели ; о вы , которые препровождаете въ тяжкихъ трудахъ свою жизнь , да славными себя учините , возведите очи и размыслите о величествѣ славы свѣта ; зрите , и ищите слѣдовъ челоуѣческія славы , и всѣхъ нѣхъ отличныхъ толико похваляемыхъ дѣлъ , которыми наполнены исторіи свѣта. Тѣ , кои основали нѣкоторыя вѣры и законы , кои
прію-

приобрѣли или уступили престола, кои дали свои имена народамъ, знаиные царства подъ власть свою присоединили, засыпали долины, сравняли горы, предписали ꙗкамъ путь печенія ихъ, покорили Океанъ ихъ побѣдоноснымъ морскимъ силамъ. Всѣ сїи сущъ здѣсь смутны, и безъ всякаго различія. И сїя есмь истинна, долженствующая бы изваянна быти въ царскихъ чертогахъ.

Сей часъ, на который Всемогушій отъ начала всея вѣчности имѣетъ очи обращенны, который опредѣлилъ сотворение вселенныя, и всѣ приключенія міра, когда рука его блага ли, или бѣдствія изливаетъ; когда онъ премѣнялъ, испроблялъ, или сохранялъ; когда онъ низвергая восшочные и полуденные престолы, давалъ западу или сѣверу Имперію сѣва; сей страшный часъ нынѣ насталъ.

Превыше, жилище блаженныхъ является во всемъ своемъ блистаніи: сїя свѣтлость еще блистательнѣе, нежели свѣтлость иного дня, когда врата небесныя растворились сыну превѣчнаго, когда онъ изъ темнаго царства нощи побѣдоносенъ возвращался, и побѣды знаменіе носящій, проходя сквозь воздушныя предѣлы, Ангельскими ликами, яко побѣдоносецъ похваляемъ былъ.

Внизу жилище ужести и страха видно, гдѣ тьма тьмою умножается, и тьма
в 3 тьму

тѣмъ покрываетъ , гдѣ болѣзни плодоносны становятся , и единая другой неизщепнымъ числомъ послѣдуютъ. Въ срединѣ тупѣ пространное и глубокое море кипящія сѣры , коего пламенящіяся волны поднимаются , да поглощая и пожруивъ свою корысть. При толь спрашномъ видѣніи , и избранные и въ нѣдрахъ самага блаженства не могутъ воздержаться , чино бы не почувствовать нѣкоего страху , и трепещущи толпою окружаютъ престолъ превѣчнаго.

Такое есть дѣйствіе , которое должно окончить надежды и страхи смертныхъ , да продолживъ сіе начертаніе потѣ , кто осмѣлился на сіе чино же до меня , перо дрожитъ въ моихъ рукахъ , страхъ объемлетъ мои чувства ; и вселенна въ очахъ моихъ разрушается. О страхъ ! се вижу , се вижу , превѣчнаго судію гнѣвнымъ окомъ взирающа : всѣ пріуготовленія вѣчныхъ мученій очамъ моимъ предстаютъ. Не могу снѣрибѣ сего зрѣнія ; омѣваю : кровь моя хладѣя оспанаавливается : душа моя готова оставитьъ свое мѣло , и единое воображеніе сихъ мученій меня умерщвляетъ.

„Увы ! какая немилосердая рука , возоплетъ прескупникъ : „разрѣшила преграды „гроба , гдѣ я упокоевался ? о злобная „смерть , ты лишъ мнѣ временное убѣжище давала ; ты удерживала меня нѣсколь-
„ко

„ко времени въ своихъ нѣдрахъ , лишь для
 „того , чтобы предать меня гнѣву бога
 „мстителя. Отягченъ узами во пламени,
 „мнѣ оставленъ гласъ , токмо для испу-
 „щенія болѣзненныхъ моихъ воплей : горя-
 „ще мои очи уже не увидятъ инныя свѣ-
 „плости, окромѣ мрачныя свѣплости огня
 „мя пожирающаго.

„Всѣ сіи дарованія , которыми небо
 „меня снабдило для блаженства моего ,
 „чувствія , разсудокъ , память , вооружи-
 „лись на мя , врагами моими учинилися ,
 „и соединяются мучить меня. Тако буду
 „естествовать лишь токмо для терпѣнія!
 „Никакого покою , никакого облегченія ;
 „никакой лучъ надежды ни изъ коихъ
 „мѣстъ небесъ не блеснетъ моимъ очамъ !
 „развѣ не царствуетъ уже сей милосердый
 „богъ ?

„Ни когда ! ни когда ! . . . Остра-
 „шный звукъ словъ , повергающій мысль въ
 „неимѣющую дна пропасть ! Естьли бы
 „я не родился , то не былъ бы злощаст-
 „ливъ. Чего ради не былъ я оставленъ для
 „приумноженія числа нечувствительныхъ
 „тварей ? Чего ради я не былъ текущая
 „въ ручьѣ вода , иль сельный цвѣтъ ? Ми-
 „лосердый Боже , чего ради было меня во-
 „збуждать изъ пымы и праха , идѣже я
 „покоился , дабы свѣплостію меня нака-
 „зать ? Чего ради было сочинить изъ бре-
 „„нѣ

„нїя образъ по подобію твоему , давъ ему
 „припомъ токмо жизнь исполненную го-
 „рести и болѣзней ? Скопы безсловесные
 „щаспливѣ сушь насъ. Они рождаются ,
 „живутъ и усыпаютъ въ покойной смерти.
 „Единый лишь человекъ подверженъ нака-
 „заніямъ.

„О боже ! можешь ли ты изъ
 „нѣдръ совершеннаго блаженства , зрѣтъ
 „меня погруженна въ сію бездну , и безъ жа-
 „лости внимать гласъ мой , когда изъ сре-
 „дины сего пламенящагося моря опцомъ ня
 „именую ; или рошшу на власъ твою ? въ
 „помъ ли ты поснавяешь твою славу ,
 „чпобъ видѣтъ перпящаго мя ? Естли
 „угодно тебѣ мщеніе свое исполнить ,
 „пріими твои громовыя стрѣлы , ударь ими
 „по вселенной , и свѣтъ ими разруши , но
 „не соединяй всю твою власъ противу не-
 „щасныхъ пылинки естесва : оспавь ме-
 „ня въ забвеніи : позволь да погибну въ тво-
 „ей неизмѣримости ; иль дай мнѣ впорочно
 „чапу смертную вкусишь. Все сіе ужъ
 „поздо , нѣсишь уже никакія надежды для
 „нщасныхъ , и они безъ отдохновенія бу-
 „дутъ сносить всю тягость мщенія разгнѣ-
 „вленнаго бога.

Однако между симъ временемъ , ща-
 стливые безсмертные идутъ побѣдоносны
 въ блаженныя мѣста селеній ихъ , пріяти
 нѣ самые престолы , копорые забунповав-
 шимися

шимися Ангелами праздны оставлены были.

Да окончитъ кто другій смѣлое изображеніе , которое я токмо начерталъ ; яже чувствую умаляющія мои силы , духъ мой съ высоты , куды былъ восхищенъ , нисходитъ : изберемъ нынѣ причину не толь великую , но еще достойную нашихъ пѣсней. Хощу днесь описать вселенну пламенемъ пожираемую , и разрушенія стихій.

Страшный часъ наступилъ , и природа отъ ужасу трепещетъ зря конецъ свой приближаться. Сильные громовые удары даютъ сему печальный знакъ. Тысяща молній на землю устремляются , и шаръ ее запалюють ; густыя облака на воздухъ поднимаются , и его заимѣваютъ ; а тогда же блестящій пламень среди колеблющагося и волнамъ подобнаго дыма въ темнотѣ онаго браздами является : а небо его багряное блистаніе отсвѣчаетъ. Съ четырехъ частей свѣта , четыре Ангела безсмертнымъ ихъ дыханіемъ дышатъ сильные вѣтры. Запаленіе умножается , пламя разпространяется ; умножившіися волны колеблются , и наполняютъ атмосферу. Здѣ пламень вихрями выходитъ и смѣшиваетъ въ общемъ пожраніи града и пустыни ; а въ иномъ мѣстѣ онъ кучею нападаетъ на отдаленное царство , и его истребляетъ ; въ другомъ мѣ-

стѣ на соаженныхъ своихъ основаніяхъ болѣе не держась горы разрушаются и засыпаютъ глубокія долины.

Внушите страшный трескъ , который до внушенности шара земнаго отзывается. Се естъ разрушеніе падающихъ горъ Олимпа и Атлантическихъ. Сіи ужасныя величины громады , рукою божіею пославленныя, коихъ пребываніе являлося бы долженствовало вѣчно быть , не суть днесъ иное что , какъ шокмо пеплъ и дымъ.

Покажите ми сей славный островъ , сію страну возлюбленную небесами , кою-рая Англіею именовалась , и у коей Цари земныя испрашивали сокровищъ , союзу или мщенія себѣ. Моря окружающія ее , не могутъ ее болѣе защитить. Увы ! Нынѣ моря ее окружаютъ , дабы ее пожрать.

Вопросятъ Ангелы , гдѣ были границы Асіи , и плодоносныя поля Европы ; въ коихъ мѣстахъ простиралися пещаныя Либійскія пустыни ; подъ коими знаками небесъ Индія рождала злато и алмазы. Всѣ части земныя , всѣ ея царства провалятся единое на другое , смѣшенныя и разрушенныя единымъ потопомъ. Такимъ образомъ общее разрушеніе соединитъ сіи совмѣстныя Имперіи , которые честолюбіе раздѣляетъ. Все, что ходитъ по землѣ , что плаваетъ въ водахъ , лѣтаетъ что по воздуху ; однимъ словомъ : всѣ животноя , которые отъ Адама на-
назва-

название свое получили , во пламени погибнуть.

Но разрушеніе сего шара не затушитъ запаленіе : ярость его умноженна , пламя восходитъ до облаковъ , и досягаетъ до небесъ. Солнце , луна , звѣзды и всѣ вещи имъ пожрутъ. Не останется болѣе ни какихъ знаковъ сего толь пространнаго и блистательнаго свода , и единый часъ разрушитъ шестидневный всемогущаго трудъ.

п. 53 г.

56

65

86

14

701

